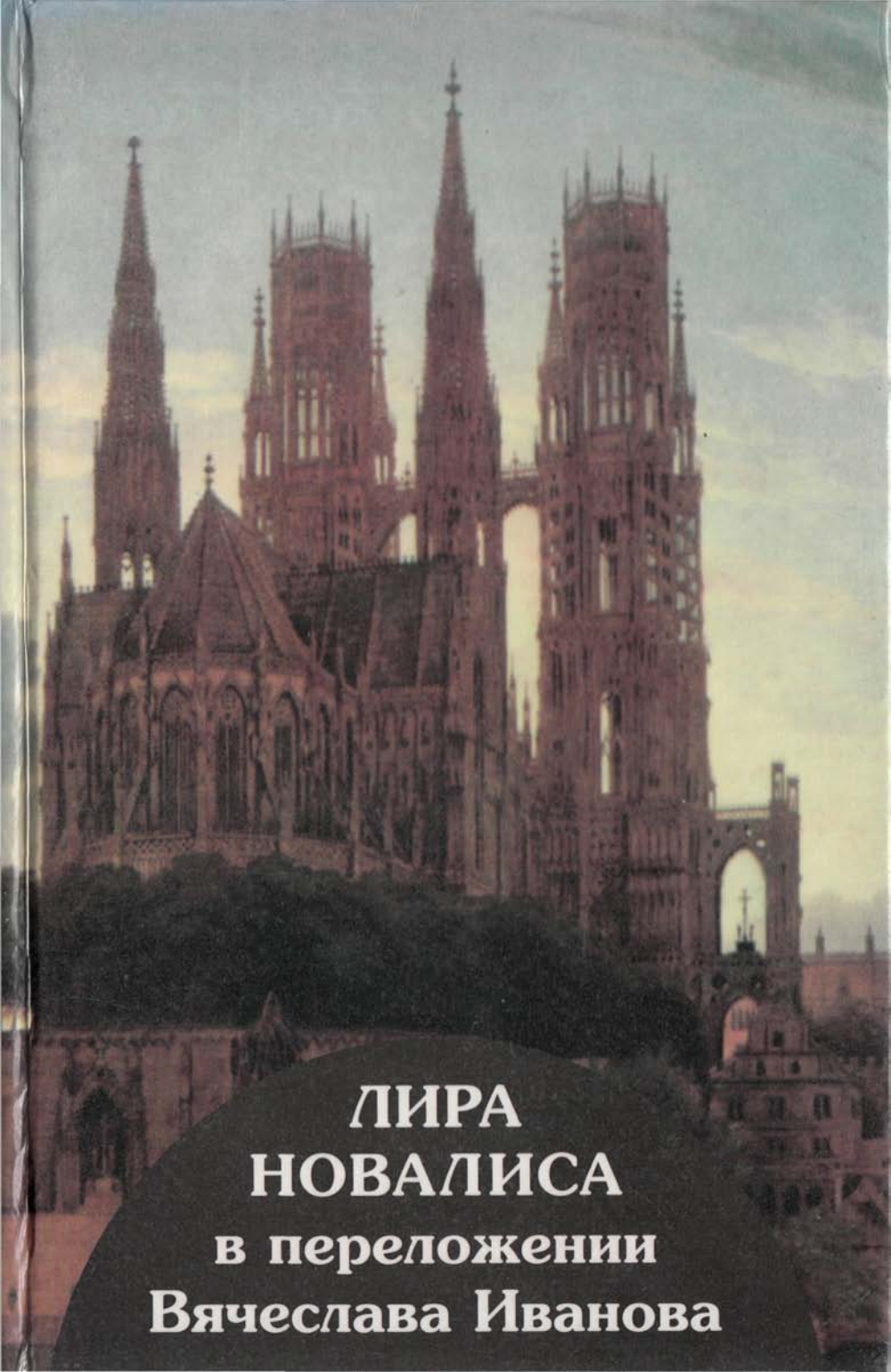


ЛИРА НОВАЛИСА

в переложении Вячеслава Иванова

Friedrich von Hardenberg.

ЛИРА НОВАЛИСА

в переложении Вячеслава Иванова

Издательство «ВОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 1997

ББК 84.Р1
Л62

Учредитель издательства «Водолей» —
Томская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

В оформлении использована работа Карла Фридриха Шинкеля

Лира Новалиса в переложении Вячеслава Иванова.
Л62 — Томск: Издательство «Водолей», 1997.— 128 с.

Гениальный немецкий поэт-романтик Фридрих фон Гарденберг (Новалис, 1772-1801) был для русских символистов одной из самых ярких путеводных звезд. По выражению Е. Эткинда, Новалис «воплотил для Вяч. Иванова черты давно выношенного им идеала».

Не будучи переводами в строгом смысле слова, переложения Вяч. Иванова стали русским мифом о Новалисе, являя собой уникальный опыт творческого конгениального прочтения.

«Лира Новалиса», анонсированая «Орфеем» в 1910 г., к сожалению, так и не была издана. Впервые рукописи Вяч. Иванова, связанные с творчеством Новалиса, были собраны и опубликованы в IV томе Собрания сочинений, вышедшем в издательстве «Foyer Oriental Chrétien» (Брюссель) в 1987 г.

Настоящее издание открывает для российского читателя интереснейшую страницу культуры Серебряного века.

Главный редактор Е. Кольчужкин.
Корректор В. Лихачева.

Сдано в набор 11.01.97. Подписано в печать 06.03.97.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печ. л. 4. Условн. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 8,12.
Тираж 1000. Заказ № 72

Лицензия ЛР № 070405 от 9 марта 1992 г.
Издательство «Водолей», 634000, пер. Батенькова, 1

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного издательством «Водолей»
Сибирское издательско-полиграфическое
и книготорговое предприятие «Наука»
630077, Новосибирск-77, ул. Станиславского, 25

М $\frac{4700000000}{М46(03)-97}$ без объявл. ISBN 5—7137—028—3

© «Водолей», оформление, 1997

ЛИРА НОВАЛИСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отрадно видеть, что почин литературных сфер, вращающихся около великого мастера новейшей немецкой поэзии, Стефана Георге, как вокруг своего центрального светила, привлек внимание современников на Новалиса-лирика и помог нашей эпохе многосторонне осознать огромное явление новой общеевропейской,— точнее и определеннее — христианской культуры, каким представляется творчество гениального создателя «храмовой легенды» романтиков о Голубом Цветке. До поры символизма в Германии не знали, что Новалису (род. 1772, ум. 1801 г.) принадлежит одно из первых мест в поэтической иерархии послегетевского периода. Народ в лице религиозных общин оценил лучше литературно-образованного общества подлинность и высоту лирических вдохновений юноши-теурга.

В беглой заметке не место обсуждать смысл и связь этого необычайного творчества. Новалис, создатель песен и баллад, вместе простодушных и замысловато-иносказательных, романтически-причудливых и символически-точных, мало притязательных и не всегда выдержанных по стилю и все же музыкально-стройных и намечающих неожиданно-новые возможности словесной мелодии,— Новалис, мифотворец и слагатель гимнов, Новалис, орган тайного предания и вместе самостоятельный мыслитель, Новалис, мудрец-сказочник и дитя-учитель,— главнее же и первее всего, Новалис — личность, как внешний образ и образ внутренний,— все эти лики органически нераздельны, и ни одного из них нельзя уразуметь до конца, не уразумев остальных. Наименее уместна была бы попытка истолковательной характеристики по поводу сообщаемых ниже переложений из романа «Офтердинген» (к которым мы присовокупили только «Смерть Гения»

из отдела «Разных Стихотворений», по изданию Тика); цельнее вырисовывается облик поэта из «Гимнов к Ночи» и столь глубоко народных и младенчески-ясных «Духовных Стихов». Настоящая публикация лишь предваряет появление «Лиры Новалиса» в нашем переложении*.

* Предисловие к публикации в журнале «Аполлон».— 1910.— №7.

ГИМНЫ К НОЧИ

ГИМН I

О, кто живой и чувством одаренный,
Превыше всех чудес, в пространстве зримых,
Не возлюбил всерадостного света,
Его в лучах и красках волнованья,
С его сверканьем волн, цветистых радуг,
И вестью дня, что будит нас повсюду
Разлившимся присутствием Его?
Живого тайная душа, Он дышит,
Творящий Свет, в громаде неустанных
Созвездий ночи и круженьем стройным
Кружится с ними по лазури полной.
Его вдыхает камень самоцветный,
От века опочивший, и растений
Сосущая и чувственная жизнь,
И пылкий зверь — дикарь многообразный,
Но всех жадней — земли прекрасный гость
С глубоким взором, с поступью крылатой
И нежным складом сладкозвучных уст.
Царь естества земного, вызывает
Все силы Свет к несчетным превращеньям,
В бесчисленных союзах сопрягает,
И разрешает связь и облекает
Земную плоть в красу небесных риз.
Нисходит Свет, становится явленным
Все велелепие вселенских царств.

Прочь отвращаю взор — к твоей святыне,
Неизреченных тайн царица, Ночь!
Далече мир; в глубокую могилу
Поник; и место, где был зрим,— пустыня;
И веет скорбь, души колебля струны;
Хотел бы я росой истаять долу,
Смеситься с пеплом. Даль воспоминаний,
Желанья юности и детства сны,
Всей долгой жизни краткие веселья
И лживые надежды в рясах серых

С вечерней мглой встают; угасло солнце!
В иных просторах свет шатер воздушный
Раскинул пышно... И вернется ль к детям?
С доверием невинным дети ждут.

Но что внезапно вещею отрадой,
Как тайная волна — плеснула в сердце
И мягкий воздух грусти поглотила?
Ночь темная, ты радуешься нам?
Что ты несешь под складками одежд,
Незримо укрепляющая душу?
Бальзам с перстов твоих, волшебный, каплет —
Ты связку маков держишь, сочных маков:
И дух отяжелелый окрылен,
И смутное проснулось в нем движенье.
Испуганный и радостный, я вижу
Молитвенно склоненный строгий лик
Святой и кроткий, и под сенью черной
Густых кудрей — моей родимой юность...
Лик матери!.. Как день был детский беден!
Как убыль света мнится благодатной!
Итак, о свет, чтоб не прельстила Ночь
Служителей твоих, ты, сеял в бездне
Костры миров, вещающих заочно
Твою державу всем и твой возврат?
Божественней сверканья этих звезд
Раскрылись в нас бесчисленные очи
Твоим дыханьем, Ночь! И дали видят
Бледнейших солнц меж тех горящих воинств.
Не нужен свет, чтоб ясновидеть душу,
Что мир, превысший звезд, живит любовью
И негой несказанной наполняет.
Тебе хвала, владычица вселенной,
Иных миров вещунья, Ночь-пестунья,
Блаженств любви Богиня, мне вернула
Возлюбленная, нежная, тебя;
Мне солнцем ты полуночным сияешь,
Я ныне бодрствую: я твой и свой;
Ты жизнью ночь творишь и в ней меня
Впервые человеком. Эту плоть
Сожги огнем духовным, чтоб воздушней
Тебя проник — с тобой смешался я,
И брачной ночью станет ночь на век.

ГИМН II

Вечно ль будет, в миг свой обычайный,
День светать? Земного власть вечна ль?
И должна ль под суетой случайной
Никнуть Ночи вещая печаль?
И любовный пламень жертвы тайной
Угасать, едва зардела даль?
Света срок, и круг его — размерен;
Весь простор вселенной ночи верен.

Вечно длится сон. О, сон священный!
Тайне Ночи обреченных чаще
В шуме Дня приосеняй наитьем!
Лишь глупцы тебя не постигают:
Знают тень твою, что милосердным
Сумраком на землю ты наводишь.
Чар твоих они не разгадали
Ни в златистой влаге виноградной,
Ни в миндальном древе маслянистом,
Ни в глухом и темном соке маков.
Не познали, что на персях девы
Веешь ты и небом беспредельным
Раскрываешь девственное лоно.
Не познали, что старинной сагой
Ты нас дивам учишь вековечным,
Сон, ключарь обители блаженных,
Тайн бессмертных вестник молчаливый!

ГИМН III

Однажды, как слезы лились из очей
И в скорбь растворялась надежда,
И я у кургана сухого стоял
Где жизнь моя тлела в могиле,

И был одинок, как никто никогда
В глухой не сиротствовал доле,
Без сил, несказанной тоскою гоним,
Весь — смертная боль и унынье,—

И помощи ждал, а ноги ни вперед
Не мог ни назад передвинуть,
И все ж удержать ускользавшую жизнь
Хотел, а она иссякала:

Былого блаженства с нагорных высот,
Из далей былого лазурных,—
Как сумерки, облак дохнул... пелена
Расторглась,— и свет мне родился.

Сокрылась от взора вся пышность земли,
И с ней мое горе бежало;
И реки печали стеклись: из озер
Стал мир непостижный и новый.

Наитие Ночи сошло на меня
И сна вдохновенного зренье.
Долина всплыла; и над нею парил
Мой дух возрожденный и вольный.

Стал тучкою праха курган, и сквозь прах
Я образ увидел любимой.
Небесным мерцаньем светились черты,
И вечность почила во взоре.

Любимые руки схватил я, и слез
Слилися потоки живые
Алмазным запястьем на милых руках,
В веках неразрывным запястьем.

К любимой прильнул я. Край неба текли,
Минуя нас, дымы столетий,
Как мглы грозовые. Я новую жизнь
Слезами блаженными славил.

То первый мой был и единственный сон;
Но с той несказанной годины
Я в небо ночное поверил навек
И в милую — солнце ночное.

ГИМН IV

Ведаю ныне, когда и последнее утро настанет:
Если свет перестанет гнать ночь и любовь; если вечным
Будет души сновиденье,— навек неисчерпно — единым.
Ах, я усталостью горней устал, и развязан истомой.

Долог и томен паломника путь ко Гробу Святому,
Тяжко бремя креста. Но таит кристальную влагу
В недрах тот холм, где дробятся пучин мятежных прибои.
Кто сей влаги испил, кто взошел на холм порубежный,
На мирозданья межу, и с вершины Землю Завета
Оком увидел прозревшим, обитель новую Ночи,—
Тот не вернется назад в суету и движение мира,
В страны, где свет обитает, в извечной зыблясь тревоге.

Ставит он кущи свои на вершине — кущи покоя,
В дали глядит с вожделеньем святым, воздыхает и любит.
Час ли наступит желанный — до кладезя долу нисходит,
Влагу живую черпает и пьет. Всплывает земное
Облаком смутным; но бури высот, разметав, прогоняют
Темную тучу; лишь то, что любовь освятила, коснувшись,
Склонами тайных ущелий в блаженные долы струится,
Легким туманом объемлет почивших милые души.

Еще, веселый Свет,
К страде и злобе дней
Ты будишь усталого,
Бодрость и силы мне в жилы льешь;
Но от мшистых камней
Обветшалого
Памятника — не отзовешь!
Охочи
Прилежные руки к труду;
Где хватит мочи,
Помочь пойду,
Послушен твоим приказам.
Будет мною воспет
Пышный простор твой, Свет,
И не устанет разум
Связь изучать и строй,
Мастер, твоего сооруженья,

И тобой горящий свод;
Числить движенье
Твоих часов
Их звездный ход
Следить в поднебесье,
Наблюдать равновесье
Вселенских весов,
Веселиться игрой
Сил вековечных
И познавать в бесконечных
Сплетеньях времен,
Пространств и числ .
Ее закон
И тайный смысл.
Но верное сердце стремится вновь
К той, чье имя Ночь,
К той, чье имя Любовь,
Матери темной дочь.
Свет, она держит тебя в объятьях своих как сына
Ей ты своей красотою обязан.—
Я же возник до тебя, Ею спасен и связан —
Я возник, и тебе настанет кончина.

Иду, и каждый
Тропы кремень
Сулит мне влажной
Прохлады сень.

Иду: не дальней
Мне светит цель —
Опочиванья
Небесный хмель.

Избыток кипучий
Волнует мне кровь,
Завидел я с кручи
Нагорной — любовь.

Мерцанье стерлось
За тем холмом,
И тень простерлась
Ночным крылом.

Жаднее, любимый,
Ты жизнь мою пей.
Живу, томима
Под зноем дней.

666205
Библиотека
Удмуртского
госуниверситета
г.Ижевск

Дремлю я — люблю я
И в смерти юней,
И в смерти делю я
Блаженство теней.

Весь день побораю
Разлуки глад,
Всю ночь умираю
От легких услад.

ГИМН V

Глухонемой пастух, жезлом железным
Пас древле Рок земные племена.
Был робкий ум слепою пеленой
Ополонен. Земля безмерной мнилась
Обителью и родиной богов;
Стоял от века прочный их престол
За алыми нагорьями Востока,
В священном лоне моря,
Жило Солнце,
Животворящий, все зажегший Свет.
Нес древний исполин счастливый мир;
А первенцы Земли в цепях лежали
Под бременами гор, вредить бессильны
Семье богов и смертной их родне.
В зеленой мгле морской жена царила;
Под сводами хрустальными пучин
Таилася избыточная жизнь:
Цветы, деревья, реки, звери людям

Подобились. И сладостно вино
Кипело в чаше, юностью простертой.
Был гроздьем бог венчан, Богиня-мать
Вставала из земли в златых колосьях,
Любви священный хмель был дар иной,
Прекраснейшей среди бессмертных жен.
Жизнь небожителей и земнородных
Была беспечным праздником, и легкой
Весной богов. Извивный, нежный пламень
Святынею верховной чтили роды...
Одна лишь мысль их радость омрачала,
Единое ужасное виденье.

Стучался призрак в пиршественный дом,
И гасла вдруг веселая беседа.
Не смел сосед за праздничным столом
Поднять очей на бледный лик соседа.
Немел пред гостем тайным божий гром,
И каждый шаг врага была победа,
Отчаянье окрест и лютый плач:
И «Смерть» звался неведомый палач.

Отшедшие казалися разлуке
Обречены со всем, что мило нам,—
С любовию, в тоске напрасной руки
Простершей вслед отплывшим их челнам,
Пронзенной жалом безнадежной муки.
Скитаниям бессильным, бледным снам
Родные мнились отданными тени:
О камень Рок живых дробились пени.

Но смелой грезы пламенный полет
Красивым прекословьем хмару душит.
Как вздох струны, легко душа вспорхнет,
И кроткий отрок пламенник потушит;
Угаснет память, алчный пыл уснет,
И мира снов земное не нарушит.
Нужда так пела. Мысль бежала прочь
От знаменья Святынь, чье имя — Ночь.

Мир ветхий одряхлел, а сад заглох
Былых веселий. Возмужав, простора
Недетский жаждал дух. Исчезли боги
Безжизненно во гроб легла Природа,
Железными оковами ее
Связали числа и сковали меры.
Души живой избыток в пыль и воздух
Преобразили темные слова.

И чарованье веры отлетело
И с ним фантазия, богов подруга,
Что все преображает и роднит.
Дул стужий ветер северный на поле
Оцепенелое, в эфир свевая
Отчизну омертвелую чудес.
И дали неба светлыми мирами
Наполнились. В святилище иное
И внутреннее — в душу человека,
И тайный храм его — сокрылась ты,
Душа вселенной, с силами твоими,
В нем царствовать до нового рассвета.
И стал не свет убежищем богов
И знаменем небесным: в ризы Ночи
Божественные власти облачились,
И лоном откровений стала Ночь,
Обителью и очагом святым,
Опочивальней, где почили боги,
До оных дней, как в обновленных ликах
Царить грядут новосозданный мир.

Меж племени, презренного людьми,
До времени созревшего, и братьев
Счастливому младенчеству чужого,
Невиданным открылся новый мир:
Под нищим кровом, Девы Сын, объятий
Таинственных неизреченный плод.
Востока тайну виденье встречало
Времен иных священное начало:
К смиренным яслям шла звезда в ночи.
Несли Царю волхвы ливан и злато
И смирну — все, чем естество богато,
Грядущих тайн пророки — толмачи.
Небесное в уединенье сердце
Горящей розы венчик раскрывало,
К сиянию Отца обращено,
У Матери задумчивой на сердце,
Что девственное лоно волновало,
Предчувствия высокого полна!

Провидящие очи устремляя
На дальний мир и мир обожествляя,
Грядущее, предызбранное племя
Младенец зрел за облаком страстей,
И чистые сердца к Нему приникли,
Семьей цветов у ног Его возникли,
Приемля Духа огненное семя,
Благую весть из благостных вестей.

И с дальних берегов пришел певец,
Под ясным небом эллинским рожденный,
И отроку всю душу отдал он.
Ты — оный юноша, чей лик печальный
Мы зреть привыкли на камнях могильных.
Он был нам дан как Твой прообраз дальний,
Первиною даров Твоих обильных.
В руке держал он светоч погребальный:
Он ныне брачный светоч <2 нрзбр.>
Желанна смерть — святых блаженств начало.
Ты — Смерть, и Ты ж у Смерти отнял жало.

И радостный пошел он в Индостан,
Певец любви, любовью сладкой пьяный,
И тронул песнью тысячи сердец,
И благовестия святое древо
Распростирало тысячи ветвей.

А ты, о жизнь бесценная, была
За грех земли таинственною жертвой.
Страданий несказанных милый рот
Испил до дна темнеющий потир.
Последний взор с креста на Мать склонил Он.
Любови разрешающей десница
Простерлась с высоты — и Он уснул.

И темная завеса опустилась
На бурю волн и трепетную землю.
И Тайна распечатана была,
И духи неба камень отвалили.
Сидели ангелы над тихо спящим,
Его видений нежные обличья,
И в образе небесном Он восстал,

И в новозданный рай взошел, и тело
Сам положил в покинутый свой кров,
И камень, что ничья не сдвинет мощь
Всемощною рукой поверх надвинул.

Доныне верные Твои лиют
На гроб Твой радости и умиленья
И благодарности святые слезы.
И в ужасе блаженном зрят Твое —
Свое в Тебе — из гроба воскресенье.

Могильная плита
Отвалена от входа.
Воскресли мы. Свята
Спасенная Природа.
Твой солнечный потир
Тем ярче, тем победней,
Чем глубже, глуше мир
На вечери последней.

На свадьбу Смерть зовет;
Огни лампад светлее;
Нет убыли в елее,—
И дев собор встает.
Когда б уж даль гласила,
Что вышел в путь Жених,
Иль ведали светила
Созвучья слов земных!

Тоску сердец, Мария,
Бесчисленных внемли!
Твои черты святые
Нам снятся в снах земли.
Дай мир нам исцеленья,
Дай радость отдохнуть,
Возьми в Свои селенья,
Прижми к Себе на грудь!

Не мало душ томилось
Под зноем лютых дней
И в Твой приют стремилось
От горестных огней.
Они в страстные чаши
Нам каплют горний мед.
Родные! В сени ваши
Родная нас возьмет!

Не плачь, любовь, у гроба,
Но верь и будь верна:
Удел твой Смерти злоба
Похитить не сильна.
Как ангел — вдохновитель
С разлукой ночь мирит,
В ней милый небожитель
С душою говорит.

Мужайся Дух! К нетленной
Нам жизни жизнь порог,
И сердца пламень тленный
Грядущего залог.
Свод звездный претворится
В златистый сок вина,
И нами загорится
Ночная глубина.

О, сладостный напиток!
Где боль сердечных ран?
Любви живой избыток —
Единый океан.
О, вечность брачной ночи,
Ночь — гимн, и ночь — чертог,
И солнце видят очи
И солнце ночи — Бог.

ГИМН VI

Хочу сойти в могильный мрак,
И грудь земли раскрыть я.
Пусть ранит боль больней: то знак
Веселого отплытья.
Несет нас тесная ладья
На брег иного бытия.

О, Ночь навек, тебе хвала!
Тебе, дрема глухая!
Цвела любовь, и отцвела,
Под солнцем иссыхая.
Гостины стали нам тюрьмой:
Пойдем к отцу, спешим домой!

Что делать любящим сердцам
Живым — на этом свете?
Мир изменил своим отцам,
Мы в мире Божьем дети.
Не знаем чуждой новизны,
Душой минувшему верны:

Минувшему, когда костер
Всех чувств пылал высоко
И видел в небе чистый взор,
Любви всезрящей Око,
И души, в простоте живой,
Хранили первообраз свой;

Минувшему, когда племен
Не иссякала сила
И длань детей грозу знамен
Крестовых возносила,
И в жилах пылко мчалась кровь,
Но сердце ведало любовь;

Минувшему, когда сам Бог
Стоит в телесном храме
И юным роковой порог
Переступает с нами,

И с нами чашу пьет до дна
И с нашей боль Его одна.

Минувшего глухая ночь,
Тебе мой вздох напевный!
К тебе летим, былое, прочь
От жизни повседневной.
К тебе, в отчизну держим путь —
На лик воскресший твой взглянуть.

Что с миром нас сдружить могло б?
Любимые почили.
Нас темный с ними держит гроб.
Нас жить не научили
Приманки новых тусклых дней:
Мир пуст и в сердце нет огней.

И сладким ужасом на нас
Из темной веет дали:
То глубь ответствует на глас
Младенческой печали!
То милых душ загробный вздох.
Домчался к нам, позвал, заглох.

К невесте снидет в глуби недр,
В сень смерти к Иисусу!
Посул зари вечерней щедр:
Последнему искусу,
О скорбь любви, покорна будь!
В Дом отчий, Ночь — крылатый путь.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1

Что был бы я, когда б не встретил —
Тебя, и не пошел с Тобой?
На небе ль Рок меня отметил!
Один, лицом к лицу с Судьбой,
Я б трепетал, и сколь бы тщетной
Казалась мне любовь моя!
И замер голос безответный
Над черным срывом бытия.

Вотще, в томлении унылом,
Я звал бы день, несущий тьму,
Коловращением постылым
Мою вращающий тюрьму.
Зияли б в мире только гробы,—
Зиял бы гроб, где был мой дом...
Без Друга в небе — кто бы, кто бы
Не изнемог в пути земном?

Но я Христа узнал! Всей силой,
Всей волей вверился Ему —
Как жадно пламень быстрокрылый
Ничтожества снедает тьму!
Впервые с ним я человеком
Восстал, и в лик судеб взглянул,
Дохнул Земли грядущим веком,
Всей грудью полною вдохнул.

Предстал Любимый: Север мрачный
Роскошной Индией расцвел,
Как нег живых эдем прозрачный,
Как лес благоуханных смол.
Душа в младенческом покое,
Немолчным слышит милый глас;
И где нас, верных, только двое,—
Там третьим Он стоит меж нас.

Идите вы по всем дорогам,
На пир скликайте всех бродяг,
Целуйте ангела в убогом,
Зовите к нам, кто нищ и наг!
Дивите дивными вестями;
Мы вечеряем у Него!
Чертог наполните гостями,
Всем дайте Друга своего!..

Зловещий сон владел сердцами —
Нас тяготил старинный грех,
И днем блуждали мы слепцами,
В боязни — и алчбе — утех.
Вся жизнь казалась преступленьем,
И человек — врагом небес;
Творец грозил богоявленьем,
Судья земли — грозой чудес.

В дарохранительнице Бога —
Горящем сердце — демон жил;
И жар души гнала тревога,
И радость ужас сторожил.
Так пригнетала нас неволя,
Предобрекая праху прах;
И знала безнадежных доля
Лишь смерти страх, да кары страх.

Принес Спаситель, Искупитель,
Сын Человеческий — любовь,
И сердце, Божию обитель,
Невинная омыла Кровь.
Отчизну древнюю узрели
Мы над заставами тюрьмы,
И верой сладостной сгорели,
И чада Божьи стали мы.

Цветет юдоль Господним садом,
И первородный грех исчез.
Наследьем лучшим нашим чадам
Мы завещали зов небес.
Родные к нам слетают звуки,
И плоти колыбель свята,
И в горький час земной разлуки
Любимых жизнь не отнята.

И наш Возлюбленный все в новой
Красе светлейшей восстает;
Его язвит венец терновый,—
Любовь над Верным слезы льет.
Нам брат — схвативший эту Руку,
Вошедший в Сердце всех сердец;
И братских воль крепит поруку
Благоволением Отец.

2

Даль восходом золотится,
Обновляя времена.
Приходите насладиться
Хмелем нового вина!
Жажды древней ты нам утоленье
О любви святой богоявленье!

Сходит, жданный, к нам на землю
Сын возлюбленный небес.
Всюду веяние внемлю
Тайнодеющих чудес:
Пламень искр, рассеянных в творенье,
Свеет Он в единое горенье.

Тьма чреватая, рождает,
Плоть выходит из могил.
Он над бездной утверждает
Вечный мир вселенских сил.
С полными руками посредине
Сам стоит и делит благостыни.

Этих тихих взоров сладость
Ты прими, как дар, в тиши,
И божественная радость
Озарит тайник души.
Чувства, сердце, дух возвеселятся;
В пляске юной души окрылятся.

Прикасайся с дерзновеньем
(К солнцу тянутся цветы),
Упивайся лицезреньем
Впей в себя Его черты!
Весь зажгись желанием безмерным,—
Будет присным Он твоим и верным.

Божество, что смертных очи
Ослепляло — наше днесь;

В странах полдня, в странах ночи,
Цвет расцветший, Небо — здесь.
Красоту взлелеем вертограда:
Каждый стебель — в Господе отрада.

3

Кто плачет в горестном затворе,
Кручины сирой домосед;
Кому сожитель кельи — Горе,
Кому Отчаянье — сосед.

Кто в невозвратное былое
Глядит, как в пропасть, черный зев,—
А сердце в жадном перебое,
Вот-вот сорвется, охмелев,—

И мнится — сказочные клады
Во мгле могильной тайника;
И только ключ скорее надо
Сыскать от ржавого замка;

Кого грядущее пугает
Пустыней мертвого песка,
Где, заблудясь, изнемогает,
Ища души своей, тоска:

Тому в слезах паду на грудь я!
«Как ты, я погибал, мой брат!
Но у последнего распутья —
Родник целительных отрад.

Как я, ты будешь Им утешен.
Кто так, как Он, любя, страдал?
Чьей злобой был на крест повешен,
Тем кроткой благостью воздал.

Он умер; но Его всечасно
Животворящий светит Лик
И тайный голос слышен ясно
Тому, кто к Милому приник.

Он истлевающие кости
Оденет плотию живой.
Его зови, затворник, в гости:
Придет и будет присно твой.

Чем ты владел, в Его храненье;
Что ты посеял, Он пожал;
И с тем навек ты в единенье,
Что от щедрот Его стяжал».

4

Хмель прошел часов счастливых,
Невозвратно-торопливых:
Верен был единый час,—
Час, когда, в последней боли,
Я познал, Кто́ в сей юдоли
Чашу смерти пил за нас.

Лист был желт, и стебль несочен:
Корень сох, червем подточен,—
Блекнул дух мой, вял и хил.
Все взяла, в чем жизни сила,
Всех желаний цвет — могила:
Лишь для мук еще я жил.

И когда душой недужной
Ждал конца я, безоружный
Разомкнуть заклятый круг,—
Вдруг — упал ли свыше пламень? —
Сдвинут был надгробный камень,
Грудь моя разверзлась вдруг.

Кто восстал — и кто был рядом,—
Не скажу... Но перед взглядом
Вечно будет он стоять,
Этой час мой неизменный,
И в душе, на век блаженной,
Раной радостной зиять.

5

Если с Ним я буду,
Будет Он со мной.
Если Верному пребуду
Верен, весь мой век земной,—
Им одним доволен,
Всем владею,— светел, счастлив, волен.

Если с Ним я буду
Дом покинуть рад,—
Странник, путь найду я к чуду
И войду в Господень сад.
Людные дороги
Не ведут в небесные чертоги.

Если с Ним я буду,
Сладок мой ночлег:
По живому изумруду
Водит Он долиной нег.
Землю взор смеженный
Видит Женихом преображенной.

Если с Ним я буду,
Я ль утрачу мир?
Только мира страх избуду,
Где без Матери я сир.
Под Ее покровом —
Все, младенец Неба, узрю новым.

Если с Ним я буду,
С Ним в отчизне я,
Где родные мне повсюду,
Долгожданные друзья.
Лишь в Его селенье —
Изобилье и благоволенье.

6

Хотя б весь мир коварной
Изменой черен был, —
Навеки, благодарный,
Тебя я полюбил.
И клятвы не нарушу:
Ты дал нам плоть Свою;
Тебе я эту душу,
Свободный, отдаю.

Крушуся злой кручиной:
Ты смертью смерть попрал;
Из нас же ни единый
С Тобой не умирал.
Как чуждую, вверяем
Преданью повесть мук,
И глухо повторяем
Замерший в былях звук.

Ты ждешь, в святой печали,
Средь общей немоты;
Когда б и все отпали,
Нам не изменишь Ты.
Над мглой времен возвышен
Кто верен до конца, —
И зов любви расслышан,
И дрогнули сердца.

Твой Свет душа прозрела, —
Пролей Твой Свет в меня!
Твоим она сгорела
Крещением огня!
И будет: к Небу братья
Найдут единый Путь,—
Придут в Твои объятья,
Падут к Тебе на грудь.

7

Плакать, вечно плакать буду:
Не дано свершиться чуду,
Чтоб на миг, издалека,
Мне блеснул Он, вняв моленье!
До могилы то томленье,
Та священная тоска.

Вечно вижу, как Он страждет,
Как в бореньи смертном жаждет.
Что ж не стынет в жилах кровь?
Что ж от слез не тухнут очи,
С Ним не делят горькой ночи?
Что ж не смерть — моя любовь?

Что ж вокруг никто не плачет?
Этот миг не все ли значит?
Или все мертвы давно?
Коль навек смежил Он вежды,
Нет любви, и нет надежды,—
Все навек совершено.

Мертв... Что слово значить *может*?
Значит что *должно*?.. кто вложит
Смысл, вы мудрые, в сей звук?
Ах, он нем — и мир немеет...
Кто ж уврачевать сумеет
Боль горчайшей из разлук?

Если здесь Его не встречу,
Я улыбкой не отвечу
Всем улыбкам дольних дней.
Нет о Нем под солнцем вести:
С Ним я умер. Если б вместе
С Ним сошел в предел теней!

Ты, Его и мой родитель,
В землю-мать, в Его обитель,
Возврати мой прах земной!

Новый пусть зазеленеет
Холм, и сладкий ветер веет
Там, где тлеет образ мой!

Знали б люди, как любил Он,
Все б ушли, куда манил Он,
Все покинув для Христа;
Все б Единого любили,
Все б со мною слезы лили
И томились у Креста.

8

Я всем скажу, что Он средь нас,
И всем, что Он воскрес;
Что светит день, что близок час
Пришествия небес.

Скажу я каждому: «Он жив»,
И каждому: «Он тут!»
Друзья друзьям наперерыв
Благую весть несут.

Впервые родиной земля
Открылася очам,
Как Он позвал в свои поля,
К своим живым ключам.

Туманным призраком пучин
Поникла в бездну Смерть,
И ждет для радостных гостин
Живых живая твердь.

Кто вышел в путь, кто верен был
Вождю в пути земном,
Тот будет в небе небу мил,
Тот внидет в отчий дом.

Не горек плач, когда сомкнет
В Едином вежды брат:
Родная вечность развернет
Свиданье и возврат.

И каждый подвигом добра
Восторженней горит,
Затем, что горних жатв пора
Обильней сев дарит.

Он жив, и с нами вечно Он,
И мир прейдет, как тень!
Да славит благовестный звон
Всеобновленья день.

9

О, немощных мгновений
Унылая печаль!
Мир светлых откровений —
Как призрачная даль.

А ночью Ужас дикой
Натешится игрой,
Марою многоликой
Задавит, как горой.

Пучина рвет оплоты,
Пирует хаос пир;
Нет разуму охоты
Заклясть проклятый вир.

И воля встать не смеет;
Безумие манит,—
И льдом в груди немеет
И сердце каменит.

В боренье кто подмога?
Кто крест за нас понес?
Кто там, в покое Бога,
И с нами здесь? Христос!

Крест видишь чудотворный?
Схватись за этот ствол;
Изыдет необорный
Огонь на хляби зол.

Вождь, светом осиянный,
Берет тебя на брег!
В дали обетованной
Ты видишь свой ночлег.

10

Чего б еще душа желала,
Когда б возлюбленный и Бог
В ее земные покрывала
Мог низойти, почить в ней мог?

Обходят, алча, свет широкий
Желаний яростных рабы.
Все хвалят ум их быстроокий;
Но безвеселье — пир алчбы.

Слывет тот приобретшим благо.
Что ж тот обрел? Лишь злата клад.
Того взяла путей отвага:
Стяжал он имя — Синдабад.

А тот за пальмою победной,
А тот за скиптром век бежит;
И кто добыл, добычей бедной,
Обманутый, не дорожит.

Но *Он* — ужель вы не постигли,
Иль вы забыли, кто был Он?
Кого на крест за нас воздвигли?
Кто древо нес на Лобный всклон?

Склоняли ль взор ваш к оным книгам,
Хоть эхо вняли ль вы Словес,
Под чьим вошли мы легким игом
В свободу царствия небес?

Как Бог сошел к нам в лике новом,
В женах Блаженнейшей Дитя?
Как возродил нас вечным Словом?
Как взял на плечи, обретя?

Вам эти вести незнакомы?
Иль ничего не говорят?
И вы замкнете ваши домы
Пред Тем, кто сшел за нас во ад?

Еще ли вы не равнодушны
К тому, чем вас прельщает тлен?
Единой воле не послушны —
Его обресть, всего взамен?

Меня возьми, о Царь любови!
Ты — весь мой мир, вся жизнь моя.
Не нужно плоти мне и крови:
В Тебе избыток бытия.

Ты мне вернешь, что днями стерто;
Что смерть взяла, найду в Тебе.
Все небо пред Тобой простерто,—
А Ты живешь в Твоем рабе.

11

Отрада мира, где Ты, где?
Тебе готов ночлег везде:
Тебя зовет тоска сердец,—
Благослови шатер, пришлец!

Отец! Позволь Ему сойти,
В мир из объятий отпусти!
Невинным Он смущен стыдом,
И робость в сердце молодом.

Гони ж Его, согреть вели
Твоим теплом луга земли!
Сбери Его, как влагу туч,
Излей Его с верховных круч!

Пусть ливнем свежим низойдет,
Огнем палящим упадет;
Елей, иль воздух, иль роса —
Сведет на землю небеса!

Тогда священный бой свершен,
И мира князь — извержен вон;
Гнев Ада немощен и нем,
И вновь Адам узрел Эдем.

Земля живая зелена,
И Духом полнится она,
Сосцы простершая, как мать,
Младенца милого приять.

Зима бежит, и новый год
Заводит песен хоровод
У яслей, где лежит Дитя,
Весной вселенскою цветя.

И видят очи детский Лик,—
Но сам Он — солнц в очах родник;
Цветами ясли повиты,
Но взор Младенца — те цветы.

Светило мира — этот взор,
В нем вечной радости простор:
Сияет он — нет жизни дна;
Он — луг, и камень, и волна.

Игра Младенца движет свет;
Его любви покоя нет;
Не знает Он, на чью бы грудь
Тесней и радостней прильнуть.

Он, Бог для нас, а сам — Дитя,
Нас возлюбил, преобратя
Кровь в питие и в пищу Плоть,
Разлуку мира побороть...

Гнетет последняя нужда,
Томит тоска, горит вражда:
Отец, Любимого нам дай
И с ним в Свой Дом нас поджидай!

12

В час унынья, в час испуга,
Если рок грозит из тьмы,
И душевного недуга
Побороть не в силах мы;

В час, когда за милых участь
Мы трепещем, и боязнь
Зрит судьбины неминучесть,
Присудившей сердцу казнь:

Бог склоняется к страданью,
Нектар жизни нам струит,
И скудельному созданью
Ангел крепкий предстоит.

Простирает обновленья
Утешительный потир; —
И далеких умиленья —
Близким милым сладкий мир.

13. ГИМН

Многие ль знают
О любви всю тайну?
Сердце ненасытное
В тех алчет всегда!
Божественной
Вечери значенье —
Земнородным загадка вечно.
Но кто однажды
Из любящих уст, из жарких,
Жизни дыханье пил;
В ком жидким огнем,
Как ярый воск, таяло сердце;
Чьи открылись очи
И взор измерил
Несказанную неба глубь,—
Тот есть его тело будет
И пить его кровь из века
В век и век.
Кто в тайну тела земного
Вник умом высоким?
Или кто скажет,
Что крови смысл постиг?
Некогда все плоть,
Одна.
В крови небесной
Сладко <?> плавать чете.
Когда б уже зардело
Море синее!
И в душистую плоть
Напухла скала!
Ты кончаешься ль, сладкий пир?
Насытишься ль ты, любовь?
Все милый неблизко к тебе,
Все не твой, не весь твой милый.
Нежней лобзанья, жаднее
И все, что выпито, выпито
Вновь сокровенней, глубже
Зной сладострастный
Пронзает душу.

Жаждет вновь, и голодно
Сердце вновь.
Так любовь наслажденье длит
Всю вечность и века веков.
Если б отведали
Постники яства,
Все бы покинули
И с нами бы возлегли
За стол желанья
Вечно полный.
И познали б избыток
Любви изобильной
И ели и славили
Плоть и кровь.

Der Herr Landsmann.

Der Abschied Ihres Freundes, Ihrer Geschwister, Ihres Vaterlandes,
Ihrer Jugend, Ihrer vielversprechenden Lebensaussichten,
Alles wird Ihnen schwer auf die Seele gefallen sein.
Doch es mögen vielleicht Ihre Leiden

Ihr Freund Hasselquist will seine Reise durch Ihr
Land fortsetzen, um die Naturgeschichte Ihres Landes
Fach! doch Ihnen wünscht sein Talent und Eifer
den schönsten Lohn zum glücklichen Ziele.

Wenn wir uns Ihnen bald gefällig erweisen
Ihre Briefe dann mit Ihnen Ihre Briefe
Ihnen den Freund Ihrer Wissenschaften
Wenn Ihnen nicht Ihre Wissenschaft zu verschaffen.

Ihr ergebenster Landsmann
Linné.

ПЕСНИ МАРИИ

I

О Мать, кто раз Твой лик узрел,
От пагубы пребудет цел.
Разлукой будет он томиться,
К тебе единой устремится,
И память милости Твоей
В его душе сладчайших нег живей.

Как от Пречистой утаю
Я немощь грешную мою?
Но — незаслуженной наградой —
Меня Ты знаменьем обрадуй!
Вся жизнь моя в Тебе одной:
На краткий миг побудь опять со мной!

Бывало, образ Твой во сне
Я в незакатном видел дне.
Младенец Твой, в сиянье рая,
Склонялся к смертному, играя.
Ты к небу подымала взор
И затворяла облачный затвор.

Преступен чем я пред Тобой?
Сгорел я весь одной мольбой.
Где мой приют, покой безбольный?
В твоей часовне богомольной!
Прими, блаженная в женах,
Мой верный дух, оставя праху прах.

Владычица, не твой ли я?
Путь долголетний жития
Мне красен был в уделе тленном
Твоим схожденьем сокровенным.
Еще себя не сознавал,
Как млеко я с сосцов Твоих впивал.

Ты предстояла часто мне
Тебя следил я в тишине.
Младенец Твой ко мне тянулся,
Брал за руку, чтоб я вернулся
И с нежностью уста Твои
Меня касались... Где вы, дни мои?

Та радость ныне далека.
Пристала спутница — тоска.
Что сделал я? Чем был я грешен?
Брожу по свету, безутешен.
Ловлю я край Твоих одежд.
Сними сей сон с отяжелелых вежд.

Коль привитаешь Ты, светя,
Тому лишь, кто душой дитя,
Святая, чудом благодати
Верни мне сердце, ум дитяти.
Еще оно в груди горит.
Мне золотые были говорит.

II

Твой лик напечатлелся тенью,
Мария, в тысячах икон;
Но не сказать изображенью,
Каким виденьем я пленен.

Лишь знаю: мира шум и радость
С тех пор как сон душе моей
И синевы недвижной сладость
Навек разоблачилась в ней.

ИЗ РОМАНА «ГЕНРИХ ФОН ОФТЕРДИНГЕН»

ПОСВЯЩЕНИЕ I

Ты родила во мне священный жар
Одной Души живого лицезренья.
Ты за руку, как ангел уверенья,
Меня вела чрез тучи лживых мар.

Ты в отроке питала вещий дар,
Сбирала с ним волшебные коренья.
Ты юноше, предмет боготворенья,
Прообразом предстала женских чар.

Тобой одной мой дух к земле прикован.
В Тебе дышу, и движусь, и живу.
Любви Твоей мне тайный щит дарован.

Я для Тебя плющом венчал главу:
Пою, Твоим избраньем знаменован,
И Музою одну Тебя зову.

ПОСВЯЩЕНИЕ II

В бесчисленных преображеньях мир
Вы движите волшебной властью, струны!
Мятежных воль подымете буруны,
Даруете селенью сладкий мир.

Вы солнечный струите в нас эфир:
Читает взор искусств живые руны.
Усталые, счастливые — все, юны,
Толпой текут на ваш веселый пир.

Твоей, о Песнь, я вскормлен тайной силой
И к бытию свободному воскрес,
И поднял лик, пониклый и унылый.

Еще мой дух томила мгла завес:
Слетела ты как ангел светлокрылый,
Взяла меня — и тусклый плен исчез.

Почиет луч загадочного знака
В крови твоей, искрящийся рубин!
Каких святынь ты пламенная рака?
Что нежит взор из тлеющих глубин?
О, кто Она, средь алых зорь и мрака,
Чей тихий свет — твой тайный властелин?
Не сердцем ли застыл ты, рдея в силе?
Не сердца-ль сердце в огненной могиле?

Певец угрюмыми тропами,
Чрез дебрь и кручи, топь и брод,
В плаще, истерзанном шипами,
Проходит — сирым из сирот.
Скитальцу в мире кто поможет,
Кто слышит зов души больной?
Едва нести не изнеможет
Он бремя лютни за спиной.

Суровый жребий мною вынут!
Я мир и радость людям пел;
Услышан был — и был отринут:
Мне не дан в радостях удел.
И с той годины каждый весел,
Как мед даров моих вкусил,
Но мзду мне каждый скупо весил,
Когда я милости просил.

Мое «прости» — кого печалит?
Уйдет весна — прийдет весна.
Струны на лютне не умалит
Моя печаль — она звучна.
Они хотят колосьев хлеба,
Забыв, кто сеял жатву лет.
Я им открыл просторы неба,
А за меня молитвы нет.

Вы покоряете, напевы,
Моим устам всех дев сердца.
Но ждет вотще желанной девы
Скитальца нищего рука.
Ах, ни единая не свяжет
С пришельцем сердца своего;
Ах, ни единая не скажет
«Ждала я сердца твоего».

В траве густой усталый дремлет
И розы бледные ланит

Еще влажны... Забылся — внемлет:
На вещих струнах песнь звенит:
«Как ты страдал, забудь отныне,
Недолог путь и ты прийдешь.
Чего искал в глухой пустыне
В чертоге царственном найдешь.

Удел твой вожделенный верен,
Скитаний близится конец.
Тебя венчает мирт Венерин,
Но будет твой венок венец.
Чей с пеньем сфер созвучен гений,
Того зовет ко славе трон:
Певец восходит на ступени,
Царевым сыном снидет он».

Владеет Гробом род неверный!
Пречистый Гроб, где Спас лежал,
Сквернится сатанинской скверной
И черным гноем хульных жал.
И голос слышится из Гроба:
«Кем адских сил сотрется злоба?»

Куда сокрылись паладины?
Заржавел их честной булат?
Что ж верных мир — не стан единый?
Не рдеет крест на злате лат?
Чья вера Гроб Христов восставит?
Кто пленный Гроб от мук избавит?

Над мглою вод, над сушей темной
Святой промчался ураган
И разбудил от лени томной
Град запертой и спящий стан.
С бойницы каждой зовы брани:
«В поход! Вставайте, христиане!»

Обличья ангельские мимо
По стогнам реют — и молчат.
В слезах влекутся пилигримы,
У городских ворот стучат;
Гласят о попранной святыне,
О беспощадном Сарацине.

Встает заря, омыта кровью,
Над христианской стороной.
Сердца горят одной любовью,
Мрачатся скорбию одной.
И каждый меч и крест хватает
И дом родимый покидает.

Не видно слез, не слышно жалоб:
Железный ринулся набег.
Пр<и>гнулись <?> доски шатких палуб.
За синим морем брезжит брег.
Вослед отцам стремятся дети,
Тягчат уловом божьи сети.

Хоругвь победная развита.
Старейших храбрость впереди.
Все видят: в небо дверь открыта
Знаменовавшим на груди
Тот знак, что от мечей — ограда;
Но пасть в бою — милей награда.

В бой, христиане! Божьи рати
Над вами, с молнией очей.
Купается до рукояти
В крови поганой сталь мечей.
Венцы Христолюбивым воям!
Мы кровью вражьей Гроб омоем.

Владычица приосеняет
Покровом Сил земную рать.
Чьи взоры облак затемняет,
Того приемлет в лоно Мать.
Се преклоняет лик небесный
К ужасной сече, схватке тесной.

К святым местам, чрез пламя битвы!
Глухой из Гроба слышат глас.
Вину победа и молитва
Там снимут с осквернённых нас.
Князь мира, смерть твоей державе,
Господень Гроб явлен во славе.

Под чужими небесами
Я нашла немилый рай.
Ах, за синими лесами
Снится мне полдневный край!
Сон надежды — все бледнее,
Сердце верой — все беднее...
Так замри же! Умирай!

С пышным миртом ветви кедра
Темнокудрой мне не свить;
По весне, расцветшей щедро,
Хороводов не водить!
Где вы, сверстницы веселья?
И шелка, и ожерелья?
Дней былых не возвратить!

Потупляют предо мною
Взоры, полные огня,
И с вечернею звездою
Славят песнями меня
Много юношей прекрасных,
Что не знают клятв напрасных,
Верность витязей храня.

На струи ключей серебристых
С лаской смотрят небеса,
И волною смол душистых
Овеваются леса.
Меж цветами, меж плодами
Здесь над мирными садами
Звонки птичек голоса.

Юность с нежными дарами,
Где ты,— первый легкий сон?
Те древа под топорами
Рухнули. Дворец сожжен.
Ночью вражий полк нагрянул
Словно вал, взъярился, прянул
Из береговых препон.

Заревами твердь зардела,
Будто кровью залита:
На лихих конях влетела
Их ватага в ворота.
Помню бешенную рать я,
Полегли отец и братья
Жизнь у нас не отнята —

Только родина, да воля,
Да услада бытия.
Где же ты, былая доля?
Очи выглядела я,
Глядучи все в ту сторонку...
И не будь я мать ребенку,
Нить порвала б жития.

Лишь тот земли властитель,
Кто глубь измерить мог
И в мрачную обитель
Сходил, как царь в чертог;

Бродил меж спящих узниц
Подвалами палат,
И слышал страшных кузниц
В пластах могильных млат.

Тот щедрых недр хозяин,
Кто терем видел в них
И в дверь стучал, не чаян,
Как пламенный жених,

Кто страстию мятежной,
Упорствуя, горит,
Кто ревностью прилежной
Сокрытую дарит.

Он жизнь навеки свяжет
С владычицей глубин,
И тайная расскажет
Завет глухих былин.

Окрест сидящей веет
Забвенных солнц эфир,
И в бездне розовеет
Былой и вечный мир.

В расщелинах и сводах
Знакомая страна,
И в сумрачных походах
Надежный вождь она.

И воды на подмогу
Наверх горы бегут;
И гномы в край дорогу,
Где клад, не стерегут.

Несет он злата груды
К царю, в его дворец:
Сафиры, изумруды
Осыпали венец.

Всех руд, всех жил первину
Царю земных жилищ.
Подземий властелину
С ним части нет. Он нищ.

Тем, под горою, впору
Друг друга перегрызть.
Делитесь! Чудотвору
Неведома корысть.

Есть замок в дальней стороне,
И в нем владыка молчаливый.
Его не видят на коне,
Ни на бойнице горделивой.
Хранит незримый сонм дружин
Недостижимые хоромы,
И только вод бегущих громы
С зубчатых рушатся вершин.

Звучит немолчной влаги глас —
И все, что в теремах созвездий
Ее зеркальный видел глаз,
Гласит громами благовестий.
Царь нежится в живых ключах,
И освеженный и беспечный
Из крови матерней, из млечной
Встает в слепительных лучах.

Немой покорствует народ,
Взращен веками в рабстве строгом,
Стоит у замковых ворот,
Дивится колдовским чертогам.
И мнит счастливым жребий свой,
Не постигая чар неволи,
Прельщен прельщеньем ложной воли,
Слеп слепотою роковой.

Немногие бессменно бдят,
Обман прозрев душою зоркой
И властелину не кадят
И не бегут, как пес за коркой,
За даром скудным ключарей.
Их скрытый замысл мудрость копит,
И знанье тайное растопит
Воск запечатанных дверей.

Медлю я покинуть долы,
И смеюсь, встречая тень:
Мне любви фиал тяжелый
Каждый новый полнит день.

Влага светится, играя,
Окрыляя и хмеля;
И пришлец у двери рая —
Твой жилец, моя Земля!

Дух окрест Единой бродит,
В созерцанье погружен;
И к любимому нисходит
В мой вертеп Царица жен.

Скорбных лет страдой суровой
Эта плоть просветлена,
И приняла образ новый,
Неизменная, она.

Лишь мгновенье все томленье,
Мнится, длилось... и назад
Я, в последнем окрыленье,
Благодарный кину взгляд.

ПЕСНЯ ШВАНИНГА

Как безжалостно, как черство
Нас неволит старших нрав.
Принужденье и притворство —
Наша участь — их устав.
Говорить не подлежало б
Всех девичьих наших жалоб.

Вечно в сердце прекословим
И, родительских забот
Убегая, случай ловим,
Чтоб сорвать запретный плод.
Милых юношей желаем,
И томимся, и пылаем.

Разве грех о том помыслить?
Не ведется мыслям счет.
Не проведать, не расчислить
Все, что в голову придет.
Гонишь мысли: бес-проказник
Только злей. Нам мысли — праздник.

За молитвою вечерней
Одиночество страшит.
Но в постели легковерней
Сердце робкое стучит.
Вся далекому украдкой
Отдаешься в грезе сладкой.

Мать наказывает строго
От нескромных глаз беречь
Наши прелести: их много,
Все возможно ль устеречь?
Если перси жар волнует,
Их шнурок не зашнурует.

Быть бесчувственной, как камень,
Все ростки любви полоть,
Смелых глаз влюбленный пламень
Видом чинным побороть,
Прилежанье, благонравье —
Это ль юных полноправье?

Жизнь девичья — не услада,
Жребий наш уныл и пуст.
И за все потом награда
Поцелуй увядших уст.
Расцветет ли царство весен?
Старики, ваш плен несносен!

Он низойдет с горы зеленой,
Неся земле небесный хмель.
Лелеет Солнца луч влюбленный
Его святую колыбель.

Растет во мгле, Весной зачатый,
Родное лоно тяготя.
Рассыплет Осень рог богатый —
Из плена вырвется дитя.

Повьют младенца пеленами,
В подземный унесут чертог.
Но бредит пурпурными снами
Побед и пиршеств резвый бог.

Не подходи к его покою,
Когда дитя безумит сон
И Геркулесовой рукою
Он скрепы рвет своих препон.

Воздушный сонм, его хранитель,
Блюдет над дивным забытьем,
И будет дерзкий посетитель
Сражен неведомым копьем.

Но взмыть уж время крыльям шумным,
И светлый взор его открыт;
Жрецам покорствуя разумным,
Он миру, вызван, предстоит.

Окутал ризы в блеск прозрачный,
Из мрака встал на белый свет;
И символ мира многозначный —
Подъемлет розы пышный цвет.

Пред ним бегут толпой послушной
Его счастливые послы,
И волен лепет простодушный
Их благодарственной хвалы.

Он излучается и льется
И наполняет солнцем мир;
Любви стыдливой улыбнется
И к ней грядет на брачный пир.

К певцам приходит вдохновенным,
Затем что помнит их свирель
Век золотой и дерзновенным
Гремящим гимнам сроден хмель.

И сам он нас уполномочил
Лобзать прекрасные уста.
Коль в боге, девы, я пророчил,
Мне в чем откажет красота?

Вперед Любовь пошла в потьмах,
Лишь Месяцу видна.
Проснулись тени в их домах,
Всклубилась глубина.

Златистый луч на ней каймит
Фаты лазурной ткань.
Ее Фантазия стремит
За видимую грань.

Отвагой дивной дышит грудь.
Предчувствие творит
Путем крылатым трудный путь
И жадный мир мирит.

Тоска роптала, не узнав,
Что ты, Любовь, близка;
И, безнадежней возроптав,
Склонила лик Тоска.

А Змейка, путницам верна,
На Север их вела;
С вожатой зоркой им страна
Полнощная светла.

Прошла чрез лед, прошла чрез ночь,
Чрез облачный простор
Любовь, ведя резвунью-дочь,
И — к Месяцу на двор.

Он под шатром из серебра
Сидел, один, грустя;
Заслышал голос со двора,
Узнал свое дитя.

Зову из темных келий
Вас, дети древних лет!
Вставайте же с постелей:
Светает первый свет.

Совью из ваших нитей
Единственную нить.
Века кровопролитий
Пора похоронить.

В одно, что всеми бьется,
Сердца соединить —
Божественно совьется
Таинственная нить.

Еще вы только чары,
Бесплотный зрак и дух:
Оденьтесь в ужас хмары,
Пугните Трех Старух!

ПЕСНЬ ПИЛИГРИМА

Вас любви пролили грозы,
Перлы Розы!
Оросите, слезы, долы,
Где раскрылось небо взорам!
Пламя — слезы! Рейте хором
Окрест Древа, Божьи пчелы!

Примет Он, гостеприимный,
Эти гимны,
Этих слез родник нагорный!
Пересадит это Древо
В тихий рай Святая Дева,
Ствол взлеет чудотворный.

Вот утес лежит обрушен:
Он, послушен
Грозовым Осаннам, никнет.
Служит Ей, молясь, и камень:
Человека ль этот пламень
Жизнь отдать Ей не подвигнет?

В путь, о сонм обремененных
Здесь склоненных
Осенит вас мир целенья.
Здесь умолкнут ваши пени;
Словно сонной грезы тени,
Вы воспомните томленья.

Долам крепкое подспорье —
То нагорье
Увенчают стен твердыни.
В злую слышат вас годину;
Доступ есть с горы в долину;
Вам — ступени до святыни.

Провожала дни в радости сердца;
Николи печали не знавала;
Дитя свое прижимала к сердцу.
Во Младенце Ее вся отрада,
Целовала Его, миловала;
Светлыми очами наглядеться
Не могла на прекрасное Чадо.

Ее не омрачали
Крылом своим печали,
Уста Ее молчали,
Покой любви святя.
И лилии, цветя,
Умильным отвечали,
И ангелы качали
Небесное Дитя.

Желанье развевало
Над спящим покрывало,
И счастье целовало
Родимое Дитя.
И, благостно светя,
Глаза приоткрывало
И Матерь узнавало
Улыбкою Дитя.

Когда, без чертежей и числ,
Понятен будет жизни смысл,
И там, где книжники лукавят,
Нас поцелуй да песнь наставят,
И светел будет вольный свет,
И жизни жизнь — один завет,

Когда строй мира станет ясен,
Затем, что с ночью день согласен,
И в былях, и в напевах струн
Узнаем правду древних рун:
Тогда изгонит духа злого
Неизглаголанное Слово.

СЛАВЬТЕ ПИР НАШ НА ПОГОСТЕ

1

Славьте пир наш на погосте,
Тихой вечери веселье,
Храмин свет, садов услады,
Утвари жилищ!
Что ни день, приходят гости:
Поздним, ранним — всем мы рады;
Всем тепло на новоселье
У семейственных огнищ.

2

В кладовых добро, сосуды,—
Сколько слез они собрали,—
Золотых колец, оружий
И не перечесть!
И не счесть порой досужей,
Что в хоромах, что в подвале,
Яхонт, жемчуг, изумруды
В подземельях тайных есть.

3

Все сошлись в чертоги эти,
Древних ратей воеводы,
Чада стародавних былей,
Мудрецы земли.
Все сошлись под эти своды —
Девы, жены, деды, дети,
Все вернулись к прежней силе,
Все на дружный пир пришли.

4

И не ропщет ни единый
И назад уйти не хочет,
Кто однажды, гость желанный,
Вечерял средь нас.
Пусть песок клепсидра точит,
Каждый здесь забыл кручины,
Не болеет старой раной,
Слез не льет из светлых глаз.

5

Благодарный дух не просит
Ничего. Блаженно тонет
В созерцанье. В сердце стала
Вечная лазурь.
Развевая покрывала,
Ветерок нас легкий носит
Над весной лугов. Не тронет
Той весны дыханье бурь.

6

Прелесть ночи, сказки детства,
Чародейное соседство
Тайных сил, игра в загадки —
Мед ваш каплет нам.
Дивно неги наши сладки:
То в один поток сольемся,
То на капли разольемся,
Разобьемся по четам.

7

Стала жизнь одной любовью,
С безудержностью стихийной
Мы смесили наши воли,
Сплавили сердца.
Миг — и жадно хлынут волны
Врозь. Зане раздор стихийный
Жизнь любви. В борьбе любовной
Распаляются сердца.

8

Глуше сладострастный шепот,
Глубже дикой жажды ропот,
Тайных чувств тончайший опыт
Знала ль страсть земли?
Что ни тронем — под перстами
Знойный плод. Тянись устами
К сладкой плоти. Плоти пламя
Пламень, утоли!

9

Жжет чету, растет желанье
Слить взаимное пыланье,
Душу впить душою в недра,
Стать душой одной,
Все отдать друг другу щедро
На одном костре сгорая
И, другого пожирая,
Напитать собой.

10

Так, в глубоком наслажденье
Тонем вечно с той минуты
Как пожар житейской смуты
Отпылал для нас,
Вырос холм гостеприимный
На лугу, и с тризной дымной
Мир, ужасное виденье,
В тусклом зареве угас.

11

Зовы памяти волшебной,
Сладкий ужас грусти горней <?>
Вещим сердце пронизали
Тонким холодком.
Есть небесные печали,
Ран земных они упорней,
Силы нет на них целебной
Всяк одной тоской влеком.

12

Все в тоске одной по Боге
Мы одной рекой струимся
И таинственно впадаем
В Божие моря.
В сердце Бога обитаем.
Миг — и вспять, в свои чертоги
Бурей мощною стремимся
С духом в духе говоря.

13

Отряхните золотые
Самоцветные запястья,
В изумрудах и рубинах
Блеск и звон оков.
Бросьте в темной домовине
Кости, в саван повитые,
В розах юности и счастья
К нам летите, в рай веков!

14

Если б только люди знали,
Наши будущие братья,
Что земное все веселье
С ними мы творим,
Смерть бы сами заклинали
Взять их в мирные объятья.
Други! Ждет вас новоселье!
Мы свиданье предварим.

15

Князя мира пособите
Нам связать. Чрез смерть и море
К нам гребите! Возлюбите
В милой смерти нас!
Дух земли, твой трон огромный
Вскоре рухнет. И заемный
Свет потухнет. Горе, горе!
Дух земли! Твой пробил час!

ОБРУЧЕНИЕ ВРЕМЕН ГОДА

Думам отдавшись, стоял повелитель новый. Он вспомнил
Грезу ночную свою, вспомнил пришельца рассказ.
Как о небесном цветке довелось ему слово услышать,
Сердце любовью зажглось, вещую весть угадав.
Мнится — еще не умолк глубоко проникающий голос;
Чудится — только что гость с пира-беседы ушел.
Лунное кралось мерцанье по окнам; окна стучали.
Бурно юноши грудь дышит, палима огнем.
«Эдда», царь говорит: «чтó полному сердцу любовью
Всех вожделений венец? чтó ему злейшая скорбь?
Скажешь — поможем ему: ведь могущество наше, и пышно
Будут цвести времена, если земле ты дана».
«Милый», царица в ответ: «если б распря времен
прекратилась
И сочетался с былым, с будущим нынешний век,
Осень с Зимой бы сомкнулась, к Зиме присоседилось Лето
Если бы старость сошлась с юностью в дружной игре,—
О, мой супруг! всех источник скорбей в то мгновенье
иссяк бы,
Все, по желанию чувств, сердцу б открылось тогда!»
Так говорила царица; прекрасный обнял любовник
Милую: «Произнесла слово небесное ты!
Исстари что на устах всех любящих пело безгласно,
Ныне твои облекли в чистый и правый завет.
Где колесница? Живей! Времена мы сами нагоним:
Года сберем времена, возрасты после сберем!»

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ДРУГУ

Меж сверстников, прилежен и спокоен,
Проходит он, в толпе непостоянной,
Как тот, кто век провидит новозданный
И прав его заране удостоен.

Завет, от всех сокрытый, им усвоен.
Распустит завязь цвет благоуханный!
Приимет посох послушник избранный
И ратей новых первый будет воин.

Возвеселюсь признательной отрадой,—
Свидетель, угадавший с умиленьем,
Что юноша таил, в груди лелея.

Да будет верность верности наградой!
Того, кто был недужному целеньем,
Да осенит небесная Лилея!

НА ЛОДКЕ

В лад гребите живей, юноши! Влаги гладь
Ройте веслами в лад! К острову путь ладье,
Где, под лирные звоны,
Славят пляски Харит Весну.

Низко солнце; чрез миг буков густая тень
Злата ключ переймет. Плавает в злате даль.
Лаской тронув вечерней.
Нежно вспыхнул румянцем холм.

Нам кивает из мглы розовых дев толпа.
Чаши блещут в руках; гроздья в кудрях — как ночь.
Веспер, светоч влюбленных,
До восточной звезды мерцай!

Зеленой гладью степь легла;
Живая изгородь цвела;
Повсюду свежие побеги;
Ленивый ветер полон неги...
А я не знал ни что со мной,
Ни почему весь мир иной.

Темней кудрявились леса,
И пестрых птичек голоса
С благоуханною волною
Переливались надо мною,
А я не знал — ни что со мной,
Ни почему весь мир иной.

Все жило: запах, цвет и звук.
Не мириады ль дружных рук
Живое ткали покрывало,
Чтоб все милей очам предстало?
А я не знал — ни что со мной,
Ни почему весь мир иной.

Уж не проснулся ль некий дух
Чтоб нам открыть глаза и слух —
Всеоживленье, просветленье —
Уж не его ли в мир явленье?
И все не знал — ни что со мной,
Ни отчего весь мир иной.

Не царство ль новое пришло?
Что было перстью — зацвело?
Полны древа животным млеком?
А зверь восстанет человеком?
И все не знал — ни что со мной,
Ни отчего весь мир иной.

Так я стоял, дивился, ждал.
Вдруг пламень в жилах пробежал
Под сенью тающей и зыбкой,
Навстречу дева шла с улыбкой...

А я не знал ни что со мной,
Ни почему весь мир иной.

Но как бы пробудясь от сна
Вдруг отгадал: пришла Весна!
Леса не темные ль чертоги?
Не люди ль в тех чертогах — боги?
Я все постиг — и что со мной,
И почему весь мир иной.

РУЧЕЙ

Лепечи тихонько, ручеек,
В золотой плесканья зыбкой сетке,
Что лучи плетут в лесной беседке
Разрывает майский ветерок.

Филомела петь любовный рок
Над тобой на низкой сядет ветке
<две строки нрзбр.>

Если б, Молли, ты пришла в дубраву,
Где того, кому мой жар знаком,
Мать-природа рядит пастушком,

Сладкую б изведала отраву,
Поняла б и лепет этих струй,
Что, целуя луч, поют: целуй.

Этим жизнь, без дум, без дел —
Легкой неги окрыленье;
Тем — без устали стремленье...
Окрыленье и стремленье
Без раздела — твой удел.

Что им жизнь, где нет веселья?
Вкусим долгий сон похмелья,
Однодневкам рой подобный.
Мудрецу же нет покоя,
Ежечасно ждет он боя,—
Правит путь в пучине злобной.
И над ним бессильно время:
Прах истлел, а люди бремя
Власти чувствуют загробной.

Боги, вам в благую часть
Дан покой средь изобилья:
Смертным суждены — усилья,
Им одна услада — власть.

ЯКОВ БЕМЕ

К Тику

Печальный отрок и пугливый,
Вдали обители родной,
Прельщенья новизны кичливой,
Для старины заповедной —

Презрел. В пути скитаний длинном,
Случайный гость чужой семьи,
Забрел он в сад. В саду пустынном,
На ветхом мраморе скамьи —

Лежала книга. Златом схвачен
Полуистлевший переплет.
Раскрыл: душе глагол прозрачен,
И нов божественный полет.

Вселенной образ светозарный
Хранит письмен живой кристалл:
И на колени благодарный
В молитве пламенной упал.

Из трав встает, мечтой воздушной,
В простой одежде давних лет,
Старик с улыбкой благодушной
И шепчет юноше привет.

Души младенческой и нежной
Зерцало — лик его знаком.
И веет волос белоснежный
Под колыбельным ветерком.

К нему простер паломник руки...
— «То Книги дух» — подумал он:
«Пророчит мне конец разлуки
И путь к Отцу — на лоно лон».

И молвил тайный исповедник:
— «Моей гробницы ты достиг
И будешь благ моих наследник
В познаньи невидимых книг.

На той горе я, отрок бедный,
С небесной Книги снял печать;
И мир творенья неисследный
Мне стал послушно отвечать.

Знаменован Господним перстом
Я видел сей и оный брег,
И предо мной стоял отверстым
Завета Нового ковчег.

И записал я нелукаво,
Что рай души обетовал.
Я нищ был и гоним неправо,
И Бог меня к Себе призвал.

Настало время: лик Мистерий
Разоблачится. В храм чудес
Сей Книгой приоткрыты двери.
И виден свет сквозь ткань завес.

Авроры блеск сияет велий
Ее земле благовествуй.
Мной зазвучи, как ствол свирели,
Как арфа вздохом легких струй!

Иди же с Богом! При деннице
Росой глаза свои омой!
Будь верен Книге и Гробнице,
В лазури вечной присный мой.

Тысячелетнего завета
В веках приблизилась чреда.
Тебя наполнят реки света,
И Яков Беме — твой всегда».

К АДОЛЬФУ СЕЛЬМНИЦУ

Да встретится все сходное,
Срастется соприродное!
Согласие свободное
Пусть добрых созовет!
Слепляется влюбленное,
Прямится искривленное,
Дружится разделенное,
Зачатое живет!

Союзом сочетаемся,
Братаньем побратаемся,
В служеньи воспитаемся
Едином до конца!
Одну на выях скинию
Несем глухой пустынею:
Один, за далью синею,
Обрящем дар венца.

ДИСТИХИ

Был в Саисе смельчак: покрывало скрытой богини
Поднял... Что ж он узрел? Диво! Себя самого.

Братья, почва скупа! Изобильное семя должны мы
Сеять, чтоб нам довелось скудную жатву пожать.

Мысли проникновенной миры созидать не довлеет
Ты насыщаешь одна голод духовный, любовь.

Все государи — нули. Но власть за ними — поставить
Цифры рядом с собой. Значить — зависит от них.

Сеть, что ловца уловляет,— Гипотеза. Новому веку
Новый дарит она Свет; ею же пойман Колумб.

Слава Гипотезе, други! Удел ее — вечная юность,
Как бы себя самое ни побеждала она.

Если разумно искать на ночлег совместного ложа,
Знаменье мудрой души — к милым усопшим любовь.

КОНЕЦ РАЗДОРА

Длился издревле раздор; миротворной не было власти;
Сил столкновенье слепых стройный дробило кристалл.
Ты не являлась, любовь, с талисманом вечного мира:
Лишь с приближеньем твоим глыбы сливаются в сплав.

УМИРАЮЩИЙ ГЕНИЙ

Привет, желанный! Голос твой слышу. Звать
Меня ли дважды? Вот я. Иду с тобой.
Чего искал, обрел я ныне:
Узы волшебной неволи тают.

Прекрасный образ — видишь Владычицу? —
Снимает чары. Многих царей молил
Я об отчизне: в Ней единой
Утро светает отчизны древней.

Незримо дышит пламенем огненным
Под этой перстью мощь первозданная
Того, кем был я древле. Жрец мой,
Песнью возврата меня напутствуй!

Вот ветви; ими тело покрой мое!
Потом, к востоку лик обратив, свой гимн
Воспой, доколь не встанет солнце —
Дверь отворить мне былого мира.

Тогда поникнет мгла, что в плену меня
Держала, долу, как золотой покров;
Кто мой покров вдохнет, пребудет
Вечно Царице прекрасной верен.

О НОВАЛИСЕ

I

Когда, несколько лет тому назад, я выступал в Петербурге перед большой аудиторией с первоначальными сообщениями о Голубом Цветке как мистическом символе и о высоком певце его, я знал, что для огромного большинства слушателей эти сведения фактически новы и духовно значительны. Немногие обладали обстоятельными сведениями об авторе «Саисских учеников», «Гимнов к Ночи», «Духовных Песен» и «Генриха фон Офтердингена», но поскольку их знания основывались на старых историко-литературных работах, они по необходимости имели об этом поэте и мыслителе представление узкое и ложное. С тех пор многое изменилось; изучения Новалиса углубились и расширились, слава его возросла, живо почувствовалось внутреннее значение его и для современности. С чувством удовлетворения можно сказать, что русская мысль в понимании и оценке Новалиса была, как и во всех вопросах высших духовных интересов за последнее время,— в авангарде движения. Отмечу недавно вышедшую превосходную работу, столь же содержательно глубокую, сколь живую, известного нашего германиста, петербургского профессора Ф. Брауна о раннем романтизме, во втором и третьем выпусках «Истории западной литературы XIX века», изданной под редакцией Батюшкова.

«Новалис — ключ к уразумению немецкого романтизма»,— так писал девять лет назад один из лучших знатоков поэта — E. Spenlé: Novalis. Essai sur l'idéalisme romantique en Allemagne, Paris, 1904. И он прав: «понять Новалиса — значит исчерпывающе понять подлинный немецкий романтизм. С известной точки зрения, все, что было сделано в нем до Новалиса, и все, что делалось рядом с ним, может быть понято, как подготовка к нему и как поддержка. А все, что создано в романтизме после него — освещается и согревается его гением, в котором, как в световом фокусе, сходятся все лучи романтической мысли и поэзии». Отсюда и современное оживление интереса к Новалису. «Возродившись в своих основных импульсах (отчасти и в творческих приемах), романтизм, ища самоопределения, не мог не оглянуться на свое прошлое; и из тумана забвения, успевшего

окутать то первое поколение романтиков, естественно выступил прежде всего и ярче всех Новалис, в личности и поэзии которого тенденции и основные черты романтизма впервые нашли полное и целостное воплощение». Но действительно ли с высшим духовным исканием современности связан и романтизм? Браун: «Наша литературная и вообще художественная критика идет в колее, намеченной ранним романтизмом. Наша эстетика, наше искусство в значительной мере следуют импульсам, идущим оттуда же. Теоретическая мысль нашего времени питается идеями романтизма не только в области мистических своих исканий. Натурфилософия современной формации близко подходит к некоторым тезисам раннего романтизма... Психология и невропатология внимательно изучают проявления подсознательных сил в человеке, впервые открытых романтиками, связывая с этим, правда, иные, более скромные надежды, чем юные романтики в Иене. Уже умирая, романтизм дал толчок к созданию новых научных дисциплин: фольклора, в широком смысле слова, сравнительного и исторического языкознания, сравнительной мифологии. Наконец, на почве, подготовленной романтизмом, выросла деятельная любовь к родному прошлому, давшая новое содержание принципу национальности... Все мы, чья жизнь не исчерпывается заботами о хлебе насущном, все мы, в большей или малой степени, ученики и наследники романтизма».

Подобным же образом ученик Брауна Жирмунский в только что вышедшей прекрасной книге «Немецкий романтизм и современная мистика» утверждает: «Исторически между романтизмом и символизмом не существует перерыва мистической традиции; только здесь более ясно и сознательно было понято и сказано то, что там казалось мечтой и странным, может быть, не воплотившимся чаянием. Романтическое миросозерцание продолжало быть великой культурной силой в течение всего XIX века». Далее он указывает на зависимость от первого романтизма особенно прерафаэлитов в Англии, Шопенгауера, Вагнера и Ницше, в наши дни — Рильке, в Германии (кружок Стефана Георге, прибавим, впервые оценил Новалиса как одного из величайших представителей немецкой лирики, что прежде чувствовал только народ, введший в свой религиозный обиход его «Духовные Стихи»).

«Быть может,— продолжает Жирмунский,— всего сложнее и интереснее история современной мистики

сложилась в русской литературе». Автор указывает на Жуковского, старшее поколение славянофилов, наконец, Тютчева, который «вырастает всецело на почве мироощущения и идей немецкого романтизма». «В то же время, однако, в этой заимствованной форме появляется подлинный религиозный дух, развивающийся из глубин русского народного сознания... В творчестве Достоевского, величайшего писателя XIX века,— вершина этого пути. Здесь открывается новая вера, земная и небесная одновременно, и эта вера — та самая, которую искали романтики, оказывается тождественной с глубочайшими основами исторического христианства». *«Любите все создание Божье,—* учит Достоевский,— *и целое и каждую песчинку; каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать, все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою всемирною любовью».* «Таким образом,— говорит Жирмунский,— русский символизм имеет за собой богатое и великое мистическое предание. Поэтому нас не может удивить религиозное направление, которое все более и более выясняется как основа этого литературного движения... Мы не можем говорить о грядущих откровениях, но «Святой Дух больше чем Библия», сказал Новалис. И наши глаза вслед за ним обращаются к Святому Востоку...

Просветлело на Востоке,
Стали юны времена...

Ибо верой завершается романтическая мысль и словами молитвы Господней "Да приидет Царствие Твое"».

Заслуга Жирмунского в том, что, ставя по примеру своего учителя в средоточие романтического движения Новалиса, он показал, что движение это — по преимуществу — мистически религиозно. Еще мы привыкли связывать с романтизмом прежде всего представление о «романтизме» как своеобразном искусстве, эмоциональном и мечтательном, искусстве, почерпывающем свои эффекты загадочности, волнующей наши ожидания, пробуждающем в нас тоску по недостижимо-волшебно-далекому и вместе с этою тоской подозрение в существенности окружающего нас мира, который любопытен романтику лишь теми причудливыми, то пугающими, то забавными бликами, что рассыпает по

нем волшебное зеркало, нечто прозревающий, но в то же время и грустно смеющийся над своими прозрениями необузданной фантазии. Это искусство, со всеми ему свойственными злоупотреблениями театральной ходульности и нервическим юмором, лунным светом и призраками в саванах, превращениями, гротесками, есть искусство эпигонов иенского романтизма, о котором идет у нас речь; на нем лежит вина утраты первоначального религиозного пафоса,— а в лице Гейне и вина еще более тяжкая: вина глубокого внутреннего отречения от религиозной идеи и кощунственного осмеяния исконных заветов школы.

Только на самом деле первоначальный романтизм был не таков. Должно прямо противоположить его стремления позднему романтическому направлению. С другой стороны, чтобы понять его, необходимо отмежеваться от царства идеалов бури и натиска (наследия 70-х годов XVIII в.). Сохранив индивидуалистическую закваску Sturm und Drang'a, первоначальный романтизм определенно отрекается от поставления во главу угла новой творческой эпохи непосредственного личного чувства; напротив, первая часть эстетической теории Шлегеля отмечена характером объективизма и классицизма, и только ознакомление с философией Фихте освобождает его от этой крайности. Знаменательно притом само оправдание эстетического субъективизма через философию! Что до индивидуалистичной тенденции, она в свою очередь перегорает в горниле фихтеанского идеализма и выходит из этого испытания огнем уже столь претворенной и очищенной, что оказывается общим познавательным и нравственным принципом, чистою идеею познающего и нравственно-нормального всечеловеческого *я*. Потребовались особенные личные события в жизни доселе поэтически безгласного Новалиса и приход молодого непосредственного поэта — Тика, чтобы школа вначале чисто идеологическая стала общиною художественной и поэтической. Мы ясно видим, что все — «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь» — вошли в нее именно с Новалисом. Кажется даже, что сама школа нужна была почти так, как телесная оболочка культурного воплощения, для зачинательной и пророческой энергии одного слишком эфирного гения. Что же стало тогда задачей этого нового крестоносного ордена?

Мы бы сказали: преодоление идеализма мистическим реализмом, самоутверждения личного сознания сознанием

трансцендентных объектов религиозного опыта. Воцарение человеческого *я* должно было раскрыться в круге Новалиса как орган вселенского Разума и мужественной творчески-познавательной Любви к Душе мира. При этом магический идеализм, обернувшийся мистическим реализмом, сознательно и цельно становится, не жертвуя своими главными задачами, на почву <?> положительной религии.

В этом определенном обращении к положительной религии Новалис является коноводом кружка, еще упорствующего. Но впоследствии Фр. Шлегель и некоторые другие романтики переходят из протестантства в католичество.

Тик отказался от художественного творчества для мистического погружения в откровения Якова Беме. Философия Фихте и философия Шеллинга принимают мало-помалу религиозную окраску. Во всяком случае, в последние годы жизни Новалиса и в первые по его смерти романтики мечтают об основании действительного братства или ордена. В 1803 году З. Вернер спрашивает в одном письме, основана ли в Иене тайная секта и когда перейдут товарищи от писания стихов к великому жизненному делу.

II

В 1799 году — за два года до смерти — двадцатисемилетний Новалис пишет статью «Христианский мир, или Европа», где с последнею возможною для него трезвостью, не в мифах и иносказании, но в прямом и возвышенном обращении к обществу исповедует свою веру и как бы оставляет потомкам свой религиозный завет. Статья предназначалась для органа романтической общины Athenaeum'а, но испугала редакторов и — согласно, между прочим, совету Гете — не была принята. Вот вкратце содержание этой довольно обширной статьи с сохранением, по возможности, подлинных выражений автора.

«Были времена, исполненные красоты, величия и блеска,— времена, когда Европа была землей христианской. Подобие единого человека являло тогда европейское христианство. Одно великое общее дело связывало отдаленнейшие области пространного духовного царства. Единый господствовал над ними духовный глава. Он и

сонмы его помощников проповедовали любовь к единой прекрасной Жене, Пречистой Заступнице мира христианского. Он повествовал о давно умерших святых людях, которые через любовь и верность Деве и Небесному Младенцу, победив земные искушения, стяжали в небесах вечную славу и стали у Престола Божия ходатаями и помощниками живущих на земле братьев. Под сенью таинственных храмов почивали в драгоценных раках их честные мощи. Небесная благодать нисходила на чудотворные иконы, на могилы праведных. Справедливо противился мудрый глава церкви дерзновению человеческих замыслов, несущих ущерб благочестию, и преждевременным открытиям знания, отзывающим человека от его божественной родины. Государи полагали к его ногам свои короны и все свое великолепие и почитали славою провести вечер жизни в тесных стенах монастырской обители. Как благотворен был этот строй, как отвечал он внутренней природе человека, доказывали могучий подъем всех энергий и гармоническое развитие всех способностей духа. Таковы существенные черты времен истинной церковности. Но человечество еще не созрело, еще не сложилось для полного осуществления этого величавого царства. Это была его первая любовь, вскоре усыпленная наружною деятельностью, вытесненная из души своекорыстным попечением, потом отвергнутая и осмеянная как обман и прельщение. Великий внутренний раскол, сопровождавшийся разрушительными войнами, был красноречивым показателем вреда культуры для постиженияв ещей невидимых, по крайней мере, временного вреда данной ступени культуры. Ибо бессмертное чуяние миров иных не могло быть истреблено, но лишь затемнено, расслаблено, заглушено чувствами внешними. Разложились внешние формы церковности, глубоко пало духовенство; довершить распад подоспело протестантство. Не чуждое вначале добрых намерений, оно тем не менее святотатственно посягнуло на единство церкви и вскоре окончательно подчинило религию государственности. В человеческие границы политических организмов, в житейские границы интересов практических замкнуло оно святыню веры. И оно подчинило живую веру мертвой букве; к религии примешало оно светское знание, филологию, не преминувшую оказать на нее разлагающее влияние. Поэтому история протестантства чужда великих явлений сверхчувственного порядка, только вначале мелькнул над ним мимолетный небесный огонь. Тотчас же начались засуха и оскудение духовенства, преобладание

светского начала, соответственное оскудение художественного творчества. Редко вспыхнет искра вечного огня и соберет вокруг себя кратковременную общину, чтобы вскоре потухнуть: так было с Цинцендорфом, с Я. Беме.

Реформация была знамением времени. Умы всей Европы почли себя достигшими совершеннолетия. Причиною застоя была объявлена вера. Ненависть к религии с последовательностью распространилась на все предметы духовного энтузиазма, на фантазию и чувство, на идеалы нравственности и художества, на чаяния грядущего и воспоминания о старине. Едва оставлено было за человеком высшее место в ряду живых существ. Вечная творческая музыка вселенной была обращена в однозвучное стучание огромной мельницы, движимой потоком случайностей и плавающей на том же потоке, мельницы как некой вещи в себе, без строителя и мельника, мельницы, как perpetuum mobile, мелящей себя самое. Уцелел один энтузиазм — энтузиазм к этой самой столь великолепной философии и в особенности к ее жрецам и мистагогам. Франции выпало на долю — стать средоточием этой новой веры, наскоро склеенной из осколков знания.

Но что настала пора воскресения и что как раз те события, которые, казалось бы, должны были окончательно подкопать всякую надежду на грядущее оживление, суть благоприятнейшие знамения начавшегося духовного возрождения, в этом не усомнится никто, одаренный историческим смыслом. Подлинная анархия есть как раз та стихия, в коей зарождается религия. В крушениях всего положительного она и подымает свою величавую голову, зиждительница Нового мира. Как бы сам собою, возносится к небесному человек и, когда ничто более его не сковывает, высшие его органы выявляются в общем распаде и хаосе его душевных сил, как основная, коренная часть его земного состава. Дух Божий реет над водами.

Христианство является в трояком аспекте. Один вид его — рождающее лоно всякой религии, радость на всякую. Ибо нет религии, которая не была бы христианством. Другой вид — вера во всеспособность всего земного стать вином и хлебом вечной жизни. Третий вид — вера в Христа, Его Матерь и святых. Христианство очищено потоком времен. Во внутреннем нераздельном соединении с двумя первыми третий вид его навеки осчастливил эту землю. Случайные формы христианства почти уже вовсе разрушены. Старое папство

погребено; Рим снова только руина. Не подошел ли конец и протестантству? Не пора ли очистить место для новой, прочной церкви? Христианство опять должно стать живым и действенным и создать себе церковь видимую, вселенскую, не знающую государственных границ. Грядущий собор всей христианской Европы должен родить ее из своего лона. Когда же это будет? Не спрашивайте о том. Наступит священное время вечного мира, когда новый Иерусалим станет царствующим градом вселенной. А до той поры будьте радостны и мужественны, единоверцы веры моей, среди опасностей временных словом и делом проповедуйте божественное Евангелие и верными пребудьте правой вере до смерти».

Итак, перед нами: 1. исповедание кафолической веры 2. благоговейная оценка средневековой церковности 3. отказ от средневековой формы теократии 4. чаяние торжества вселенской церкви и вселенской христианской соборности 5. обогащение прежнего кафолического сознания некиим новым моментом мистического имманентизма, при безусловном утверждении веры в Бога, Христа и Богоматерь, иерархию духов и собор святых, как в трансцендентные земному человечеству живые реальности. Но чувство потенциальной «способности всего земного к претворению в хлеб и вино вечной жизни» зиждется, очевидно, на признании всего естества вмещающим в себе божественную сущность. Третья форма христианства, его святая святых, вера в живого Христа, Деву Марию и угодников Божиих, представляется автору, по-видимому, не для всех равно открытой и доступной. В свою грядущую соборность принимает он и тех, кто религиозны вообще (кажется, что здесь влияет на него только что раздавшаяся проповедь Шлейермахера о существе религии), и тех, кто знают о божественной (для Новалиса евхаристической) тайне Природы. Ему нужно всех собрать в одно Христово стадо, и он не задумывается об опасностях соблазна и подмены, ибо его исходным настроением является чаяние, которое наш Достоевский отметил однажды в своей записной книжке недоговоренными словами: «Повеет дух новый, внезапный...» Во всяком случае, по его воззрению, полнота христианского сознания, его третья форма, необходимо объемлет отныне и две другие.

Гете сказал о Новалисе, уже умершем: «Императором он еще не был, но стать бы мог». Откуда это загадочное представление и неожиданное слово: «Imperator»? Императором стал в то время Наполеон. Что же общего

между юным поэтом-мистиком и титаном исторического действия? Наполеон поставил себе целью осуществить неслыханный синтез: синтез революции и всемирной, по-новому иерархической и религиозной монархии. Новалис, поистине, замыслил в сфере духа то же самое: впрячь новый индивидуализм в колесницу новой христианской соборности, как Дантова грифа, что влечет райскую колесницу, окруженный Верою в ризах белых, Надеждою в зеленых и Любовью в алых. Ибо Новалис был первый, кто властно позвал новое мятежное человечество, не выходя из рядов его и на внятном ему языке, в старый, родной, Отчий дом.

III

После того как Дант спел за средневековое человечество свою великую песнь веры, людям оставалось только завершить на земле давно созидаемое здание. Этим зданием был иерархический строй познанного верою в его небесных первообразах соборного мира. И тут окончательно обнаружилась его неосуществимость на земле на основах данного религиозного опыта и при данных условиях общей душевной жизни. Ибо опыт был все же недостаточен, и душа человечества не изжила своих центробежных влечений: новое предлежало ей испытание. Пришел к престолу Божию могучий дух-клеветник и опять потребовал, чтобы человек-Иов был уступлен ему во власть и сызнова им искушаем. Всевышний согласился, ибо знал своего Иова,— и вот, перед нами доктор Фауст. Отдача же Фауста в руки искусителя — ведь это гетевский «Пролог в Небе». Фауст — гений германства и представитель западноевропейского человечества с того мгновения, когда он предан на новый искус Сатане. Другими словами, олицетворен перед нами в бессмертной драме дух Европы по выходе своем из родного дома Средних Веков — дома, раздираемого внутреннею распрею, но все еще содержимого добродетелями веры и послушания. В чем же состояло искушение? Чего еще не изжила средневековая душа? Она жила доселе в соборности и не знала внутреннего уединения со всем богатством и прелестью, горделивым надмением и тоскою индивидуализма. Мятежный сын должен был испытать мечтательную сладость одиночества,

запретные плоды свободы, пленительное разнообразие скитальческих приключений и опасностей и, наконец, безнадежную горечь конечной покинутости. Некиим таинственным актом воли божественной сознание личности было собрано и сгущено в человеке в замкнутое и непроницаемое *я*, и тогда сознание его стало дневным и формальным, побледнели и погасли мистические звезды на утреннем небе, и только Денница-Люцифер еще долго светил над влажными путями Колумба, пока совсем не рассвело и не стало все окрест так раздельно, осязательно и, на первый взгляд,— так постижимо.

Мистическая роза на кресте земли — таков был священный замысел средневековья. Он был неосуществим, потому что таинственный символ лишь поверхностно отпечатлевался на личности. Нужно было, чтобы глубоко внедрилось это отпечатление в человеческом *я*. Для этого человеческое *я* должно было уплотниться и заключиться в себе. Но по мере его уплотнения увеличивалось и сопротивление его твердой массы, хладеющей и неподатливой, и не выступала на нем выпукло заветная печать союза между Христом и Землею, отделилась роза от креста, и стала роза мистическая розою земной, и крест земли-голгофы — крестом далекого неба. Расцвет художества и науки принял с эпохи Возрождения характер богоборческий, личное своеволие стало клеймом избыточествующей и предприимчивой жизни; в религиозной сфере индивидуализм породил Реформацию. Церковь ответила на Лютеров раскол суровым утверждением закона и послушания. Просветительная эпоха подготовила французскую революцию, провозгласившую так называемое Братство при отрицании отечества,— Равенство в смысле раздробления соборности на мириады равно своевольных и бессвязных человеческих *я*, и Свободу, как своеволие каждого, ограниченное сделкою всех отдельных своеволий. Люциферово дело, казалось, было сделано, новое грехопадение совершилось, опять и, быть может, еще глубже, чем когда бы то ни было, люди пожелали быть как боги. Правда, боги более мелкие, чем когда бы то ни было; но обмельчение человеческой божественности естественно соразмерно атомическому растлению человечества и его погружению в дольний прах. А чем ближе человек к праху, тем легче крутят его над лицом земным поверхностные вихри. Чтобы сделать последний шаг, след которого мы называем французской революцией, Прометеевы Дети должны были совершить новую частичную узурпацию о́тчего огня, и

революция была вызвана отколом не только народа от Церкви, но и внешних причастников мистического тайноведения от иерархических центров священного предания. Я разумею революционную роль экзотерического масонства. Церковная и мистическая иерархия ответили бесплодными попытками насильственного подавления мятежных сил, и Суворов по манию гроссмейстера мальтийского ордена переходил через Альпы, преследуя гидру безбожия и безначалия. Но правды никогда нет там, где нет жизни, и реакция была мертворожденной. Однако духу-клеветнику рано было торжествовать победу и похваляться перед Всевышним: «Вот Твой Иов,— или как бы ныне Ты не именовал его, вечноединого и себе равного, многострадального и многоликого Человека,— не выдержал последнего искушения, и напрасно умер Твой Сын. Он дал ему *я* сыновнее, и оно жило в нем, пока спало его человеческое *я*. И вот, как Ты сам соизволил, я разбудил в нем *я* человеческое, и оно поглотило сыновнее *я*, но не стало от того ни божественнее, ни свободнее, только исполнилось кичливостью, равной его голоду, и распылился Твой человек на уединенные атомы, не знающие связи между собою, забывшие и Тебя, и Сына. Так прахом пошел Твой человек и возвращается в прах, откуда взят, ибо каждая пылинка его — моя, и во мне умрет последней смертью». Преждевременной была такая похвальба, потому что нелегко умирает свет, нисходящий во тьму, если это свет истины, зажженный от Слова. В человека можно только верить; но и больше того, не верить в человека после Христа, значит не верить в искупившего его Христа. В конечном счете, человек из самого индивидуалистического принципа, из самого нового самосознания и самоутверждения своего обособленного и своеначального *я*, почерпает побуждения и силы для его внутреннего преодоления, transcendit se ipsum. «Внутрь нас ведет наш таинственный путь»,— говорит Новалис. Итак, *я* стало таинственным путем во внутреннюю святыню, на пороге которой оно слагает всяческое своеволие, чтобы встретиться за порогом с иным, уже сверхличным и вселенским *я*.

Эпоха, когда родился Новалис, была эпоха предреволюционная. В 1789 году ему было семнадцать лет. Его время и связь времен предшествовавших стали вскоре ему ясны. Как судил он об этой связи, мы видели. Он сочетал любовь к свободе, какою знает ее и алчет истинный индивидуализм, с тоскою по неисполненным заветам средневековья, и это сочетание с необходимостью

вытекало из его христианского проникновения в мировую тайну. Два великих явления непосредственно предшествовали Новалису в европейской культуре, и именно в культуре германской, и оказали на него определительное влияние. Мы говорим, во-первых, о Гете. Пережив в молодые лета индивидуалистические крайности, Гете посвящает свой зрелый возраст преодолению индивидуализма, но не через Христа, а через союз с Матерью Землей, через слияние с Душою Мира. Преодоление индивидуализма в искусстве посредством строгого, обобщенного, большого стиля есть в творчестве Гете лишь симптом его внутреннего самоотречения. Гете сумел потерять и вновь найти себя в бесконечном, как говорит он сам; «с природой одной жизнью дышать», как говорит за него Баратынский,— и сохранить при этом душевном саморастворении в мировом кратэре лик свой. Он не распылился в прахе, потому что земля, из которой текли для него и все его радости и все страдания, не была в его глазах мертвым прахом, но живою душой, каждое погружение в которую было только целительным укреплением и таинственным умудрением личности в тайне Божьей. И свой лик сохранил он, потому что верил в Бога, каждое мгновение восстановляющего человеческое *я,* лишь только человек скажет Ему *Ты;* без Бога же недолго устоит наша личность, когда мы «в борьбе с природой целой покинуты на нас самих». Итак, путь, по которому шел Гете,— в преодолении индивидуалистической уединенности — был путь реалистического символизма в художественных выявлениях его гения, а в сокровенном же бытии духа — путь реалистического вселенского сочувствия. Оттого и открылась ему заветная тайна, достигаемая реальным проникновением во внутреннюю жизнь вселенной — тайна Вечной Женственности.

Другим многознаменательным явлением культурно-исторического момента был философский идеализм, равно, хотя и в противоположных Гетевским формах, преодолевающий уединенную замкнутость личного *я.* Еще ярче, чем в теориях Канта, сказалось это преодоление в системе Фихте, выступившего со своим «Науковедением» только в 1794 году, когда Новалис уже кончал университетский курс, и могущественно повлиявшего как на общее развитие романтизма, так и на творчество Новалиса в особенности. В созерцании Фихте *я* вырастало до мирообъемлющей формы и почерпало в самом себе вселенский закон своего правого устремления. Единствен-

ная реальность для Фихте — дух, природа — его проекция в бесконечность. Дух и материя совпадают в абсолютном *я*. *Не-я* — лишь объект познания сознательного *я*, возбуждающий его к действию. Самосознание *я* сознательно воссоздает вселенную. В 1796 году Новалис пишет Фр. Шлегелю: «Фихте меня разбудил и толкает вперед... Я во всем все более чувствую величественность части одного чудесного целого, в которое *я* врастаю и что должно сделаться содержанием моего *я*». В мае 1797 он отмечает в дневнике, что достиг «настоящего понимания фихтевского *я*». Мы увидим, что это «настоящее понимание» таило в себе существенное ограничение — если не прямую отмену основоположений Фихте. Миросозерцание Новалиса окончательно сложится на догмате дуализма полярных онтологически раздельных и лишь эротически сливающихся сущностей. И тем не менее самый космический эротизм был бы немыслим без того вселенского самоопределения, которое творческое *я* находит в учении Фихте. Животворящую силу заключает в себе его нравственный призыв. Новалис, поднимая мораль до теургии, остается верен Фихте: «Мы должны стать магами, чтобы быть моральными. Чем моральнее, тем согласованнее с Богом». Импульс одного Гете, как много ни давал он своим ясновидением живой Природы и Вечной Женственности, был недостаточен для обоснования Новалисова мистического идеализма. Гете призывал к чистому созерцанию; Новалису нужно разрешить проблему космического действия. Гете ограничивается познанием; для Новалиса познание — акт мирового творчества. Поэзия для Гете — безвольное созерцание, как говорил Шопенгауер; для Новалиса истинная поэзия — теургия.

Создавалось романтическое движение, как некое внутренно-целостное миросозерцание и умонастроение передовой группы нового поколения. Таковое могло возникнуть лишь вокруг некоторого религиозного мистического зерна, истинным же мистагогом группы был именно Новалис. Ей дал он, как некий Ковчег Завета, таинственный и нежный символ Голубого Цветка, и верность фаланге стала в последнем счете определяться верностью этому неисследимому в своих глубинах, но всем, хотя и в разной мере, приоткрытому символу. Смысл своей жизни увидели романтики в искании Голубого Цветка, и в этом искании был уже дан путь религиозного самоотречения личности. Фаланга была глубоко индивидуалистична по настроению; мятежно и

неукротимо бурлило в ее сердцах Прометеевское наследие поры Sturm und Drang'a — колыбельной поры Гетевского гения. Химеризма и своеволия было в ней, пожалуй, еще больше, чем религиозности; <нрзбр> закатные облака смешивала она с огненным столпом, идущим перед лицом Израиля, и миражные города над пустыней с башней из слоновой кости. Не таков был, однако, Новалис. Вот его отповедь (в «Офтердингене») остаткам индивидуалистического брожения, опять показавшимся наружу в наши дни в нравственном учении Ницше: «Нет более опасного соперника для идеала нравственности, чем идеал высшей силы, напряженной жизни, что называли также идеалом эстетического величия. Это высшая точка для варвара; к сожалению, в наше время, когда культура глохнет, среди людей слабых такой идеал нашел многочисленных приверженцев. Благодаря ему, человек становится животным духом (wird zum Thiergeiste)». Что до кажущихся нам теперь во многом условными, но для современников — ценных как новая художественность романтических форм, они были под пером Новалиса не более чем формами символического самораскрытия, мистический же опыт его — истинным содержанием жизни, и целью ее — откровения этого опыта. Поэтому и суждено было ему, как это уже начинают отчетливо понимать, не только художественно закрепить непреходящее во временных стремлениях эпохи, но и совершить нечто более важное,— наметить первые пути такого мистического сознания, которое, основываясь на цельном самоутверждении свободной личности, позволяет ей расти корнями в лоно Мировой Души, а ветвями в Небо, которое сочетает имманентное богочувствование вселенского тела с положительной религией трансцендентных человеку сущностей, которое, стремясь к браку Христа с личной Душой, молится о браке Его с Землею, и заставляет верить, что, хотя в отдельные, отмеченные мгновения, вспыхивает мистическая Роза на Кресте Земли.

IV

Бросим беглый взгляд на судьбу Новалиса, в миру — барона Фридриха фон Гарденберга. Как знаменательно это самопереименование! Латинское novalis значит: новое поле, новь, целина. Поэт хотел быть начатком грядущего

царства Божия, начатком Духа. Молодой товарищ его Вакенродер, также один из основателей романтической «церкви», как называла общину Доротея Шлегель, в подобном же смысле именовал себя работником на ниве Господней. Имя Novalis поэт открыл в своей генеалогии: так называл себя в XIII веке какой-то из его предков. Мистик, юный Гарденберг, разгадал в этом примере <нрзбр> символический завет. Родился Фридрих 2 мая 1772 года в саксóнском замке Видерштедт, перестроенном из старинного монастыря, в многочадной семье старого религиозного херренгутера. Вынеся трудную болезнь в девятилетнем возрасте, слабый и неразвитой ребенок стал удивлять блеском внезапно раскрывшихся способностей и избытком радостной жизненности. На шестнадцатом году был он взят в великосветский дом своего дяди, жовиального вольтерьянца, и после года рассеянной жизни, которая привила ему некоторую любовь к внешнему блеску, опять вернулся в свою ветхозаветную семью; тем временем, отец его получил место главного директора казенных соляных приисков в Вейссенфельсе. Самого Новалиса впоследствии мы видим служащим на королевских салинах. Это обстоятельство имеет значение в выработке его миросозерцания: любовь к геологии сказывается в его натурфилософии, и исследование недр земных кажется ему прямой дорогой проникновения в тайну Мировой Души. Гимназию посещает Новалис всего один год, перед поступлением в университет. В эту пору он по своим вкусам — классик, поклонник Горация и Клопштока, по своим взглядам — защитник Разума (la Raison) и человеческого равенства, приверженец революционной «Декларации прав человека». Первый год университетских занятий проводит восемнадцатилетний поэт в Иене, где находит Шиллера и боготворит его. «Его взгляд повергал меня во прах и снова поднимал меня»,— пишет Новалис о Шиллере. В позднейших гонениях романтиков на Шиллера он не принимает участия. Он изучает философию и через Рейнгольда знакомится с учениями Канта. Эта школа развивает остроту и точность его мышления и отнюдь не запугивает своим агностицизмом вольного полета его созерцаний. Труднее дается ему впоследствии Фихте: его должен он претворить в плоть и кровь и внутренне продолжить долгим творческим процессом. Отец настаивает, однако, на карьере практической, и Новалис принужден сменить мудрое веселие философских аудиторий и глупое веселие студенческих кутежей и пошловатых похождений в Иене

на строгие занятия юриспруденцией в Лейпциге. За изучение прав принимается он, впрочем, с бодростью и охотой: в них нравится ему логическая конструктивность. В Лейпциге в 1792 году встречается он с Фридрихом Шлегелем, юношей одних с ним лет, но взглянувшим на него сразу как на младшего, умственно зрелым не по возрасту, феноменальным умником с болезненным подпольем омраченной страстями и честолюбием души, художественно и мистически не одаренным, зато похожим на непрерывно действующий вулкан новых мыслей, глубоких и необычайных. Вот что пишет Фридрих Шлегель о своем первом знакомстве с Новалисом: «Судьба дала мне в руки молодого человека, из которого может выйти все. Он мне очень понравился, я пошел ему навстречу; скоро он открыл мне святая святых своего сердца. Он почти еще мальчик, стройный, с очень тонким лицом, с черными глазами, которые принимают великолепное выражение, когда разглагольствует с воодушевлением о чем-нибудь прекрасном. В нем несказанно много огня. Говорит он втрое больше и втрое скорее, чем мы все. Необычайна быстрота его понимания и восприимчивости. Изучение философии дало ему роскошную легкость в образовании красивых философских построений. Но влечет его не столько познание, сколько красота. Его любимые писатели: Платон и (мистик) Гемстергейс. С диким энтузиазмом развивал он мне в один из первых вечеров свое мнение, что нет в мире зла, и все опять приближается к золотому веку. Никогда юность не представлялась мне столь радостною, как в нем. В его восприятии жизни есть какое-то целомудрие, коренящееся в душе, а не в неопытности, он очень радостен и очень мягок, и охотно принимает всякую напечатлеваемую на нем форму. Дружба с младшим доставляет мне истинное наслаждение, коему я и предаюсь». Шлегель заражает Новалиса своим беспутствием жизни и мысли, втягивает его в темную историю, он делает долги и наивно кокетничает своим «больным чувством и больным разумом». Но вскоре Новалис разочаровывает Шлегеля: он перестает поддаваться его влиянию и даже прямо восстает на него. Ссора едва не доводит друзей до дуэли. Потом они опять мирятся, но прежняя интимная близость уже не возвращалась. Новалис глубоко независим, и независимость эту почувствовал с некоторой неприязненностью сам Гете. В итоге этих первых отношений со Шлегелем Новалис, как сам признается, научился благодаря своему двойственному и мудрому, как змий,

другу «познанию добра и зла»; но важнее всего было то, что самый факт их сближения образовал первую завязь романтической общины. В ранних стихах Новалиса Шлегель, несмотря на их недостатки, предчувствует «хорошего, может быть, великого поэта».

V

Новалис после того как-то углубляется в себя, становится серьезным и прилежным, сдает в 1794 году университетские экзамены и, по-видимому, преодолев в себе всякое суетное честолюбие, охотно следует совету сурового религиозного моралиста, отца — отклоняет блестящее предложение родственника, Гарденберга, знаменитого министра тогдашней Пруссии Фридриха Вильгельма II, сделать себе служебную и придворную карьеру в Берлине и поступает на службу в провинциальной администрации мелким чиновником, погребенным от мира в Тюрингенском местечке Тенштедт. «Быть филистером чудесно,— пишет он брату,— все взвинченные юношеские идеи сами собой спускаются в границы строго очерченной деятельности». Живя там, знакомится он с семьею помещиков по фамилии Ф. Роккентин (Rockentien), в Грюнингене живущей широкою веселою жизнью. Это был шумный, хлебосольный дом, ютивший в задних покоях и немало вульгарного разгула. Тринадцатилетняя барышня этой семьи, дочь госпожи Роккентин от первого брака, София фон Кюн, родившаяся в 1783 г., при первом знакомстве чем-то поразила Новалиса до глубины его души и на всю жизнь. В четверть часа созрело в нем решение жениться на этой девочке, и вскоре состоялась помолвка. Чем именно она поразила его, останется навсегда тайной. На портрете ее перед нами круглоголовый, круглолицый и светлокудрый ребенок, с высоким лбом и широким подбородком, и большими черными глазами, похожими на два больших зеркала из агата. Любопытно, пишет один из братьев Новалиса, что, когда познакомишься с грюнингенским сортом девушек, другие едва ли не теряют всякий интерес. Не устоял перед обаянием Софии и отец Новалиса; глубоко заинтересовался ею и Гете. Сам Новалис говорит про нее, что она ничем не хочет казаться (sie will nichts sein, sie ist etwas), она просто есть нечто. Судя по ее запискам,

она — совсем неразвитой и неграмотный ребенок; поэзию, по словам Новалиса, она ни во что не ставит. Она весьма холодна с женихом и отмечает в своих записках только когда он приехал и когда уехал. София стала для Новалиса «фундаментом его покоя, его деятельности, всей его жизни» (письмо к Ф. Шлегелю). Можно было бы предположить, что Новалису и не нужно было найти в возлюбленной своеобразно самоопределившуюся и богато расцветшую личность; нужно было ему, чтобы то, что с точки зрения идеалистической философии было мировое *не-я,* что мистическим прозрением Новалиса было разгадано, как женская тайна природы, как живая сокровенная Изида, предстало перед ним живым женским существом, узнанным его любовью, как ему предназначенная невеста, и этим как бы доказала реальность своего бытия. Ибо подлинно убеждаемся мы в реальности того, что не наше *я,* только любовью. Ища в самих себе своего подлинного *я,* мы совлекаемся всех случайных придатков, определяющих нашу внешнюю личность, и находим свое *я* уже как бы вовсе безличное в каком-то внутреннем бытийственном центре, как бы некоей математической точке или на острие иглы, по выражению моего друга, гениального скульптора Голубкиной. Но вот передо мной человеческое существо, которое я люблю. Люблю — значит, прежде всего знаю, что оно есть, и всей волею хочу, чтобы оно было. Но любовь моя не довольствуется утверждением его глубинной бытийственности; она утверждает и все ее оболочки. Каждый след любимого существа — любим; не в еще большей ли степени все те внешние особенности, которые в себе я осудил и отверг как случайные и несущественные придатки к сущему *я,* в любимом же не простил только, но и благословил до последнего атома его проявленной жизни? Так, утвердив любимую человеческую личность не в одной ее сущности, но и во всем целостном ее явлении, я восстанавливаю *через нее* и только через *нее* свою собственную целокупность, оправдываю свое земное существование... «Только в ответе своего *ты,*— говорит Шлегель в «Люцинде»,— находит человеческое *я* свое бесконечное единство». А если она, эта любимая личность, у меня отнята? О, коли раз полюбил ее и, следовательно, поверил в ее существенное бытие, таковое не отнимется от меня. Поскольку люблю, постольку и утверждаю бытие ее и за порогом смерти, что бы ни говорил, искушая меня, мой тесный земной разум. Она со мною, и в духе еще ближе, быть может, чем когда ее истинное

бытие было скрыто завесами плоти. Но в себе я уже разделился. Если мой внешний человек нуждался в оправдании явления своего через ее внешнее явление, отныне он ничем не оправдан. Как тень, влачится он по земле, удерживая в себе крылатый дух, алчущий своей свободы для слияния с милой в лучшей жизни. Два человека во мне и две раздельных жизни.

Это разделение и определило собой путь последних лет короткой жизни поэта, по смерти его невесты, заболевшей летом 1796 года и скончавшейся 19 марта 1797 года после второй тяжелой и безуспешной операции. Ее могила — «моя милая могила, моя добрая могила», как пишет Новалис,— находится в Грюнингене. В мучительном ожидании исхода, сознавая всю безнадежность положения, Новалис, как кажется, все пережил заранее и приготовился ко всему. В эту пору образуется в нем новый духовный человек и роковое известие уже не поражает его, он вполне владеет собою. Оно приходит к нему, как решение, окончательно направляющее его шаги по уже предназначенному и лучшему из двух возможных пути. В апреле Новалис пишет Фридриху Шлегелю: «Мне уже теперь совсем ясно, какой чудесный случай ее смерть,— ключ ко всему,— удивительно подходящий шаг судьбы (ein schicklicher Schritt). Только таким путем многое могло найти чистое решение, только так многое, что было незрело, могло созреть. Я сознал в себе простую, могучую силу. Моя любовь стала пламенем, постепенно пожирающим все земное». В своем дневнике Новалис с холодным самоотчуждением отмечает в себе проявления человека внешнего и человека внутреннего. Вот вся жизнь его как бы исходила в слезах; а вот сердце его оставалось холодно даже на милой могиле; вот прервалось непрерывное умное делание любящей памяти о покойной; .....* студентом во Фрейбургскую горную академию, где под руководством друга натурфилософа Вернера занимается физикой, химией, математикой и геологией; он изучает одновременно Бадера, Гельмонта и Флюда. Так работает он над системой своего магического идеализма, имеющего целью преображение вселенной или, как выражался он сам, морализацию природы. Мы, говорил он, посланники, мы призваны к образованию земли. Так много нужно познавать, так много откровений, встающих из недр

* Далее в рукописи утрачено несколько листов.

духа, требуют оглашения и утверждения, что внешнее бытие, оправданное этим неукоснительным служением, должно быть укреплено и упорядочено. Должно крепко утвердиться на земле, стать и семьянином, человеком, как все, которые трудятся и труд которых обеспечен. Новалис «врастает» в «мировое единство». («Я во всем все больше чувствую величественные части одного чудесного целого, в которое я врастаю и что должно сделаться содержанием моего *я*». «Фихте меня разбудил и подгоняет». «Написать что-либо и жениться, вот почти *одна* цель моих желаний». «Разве я не должен переносить все охотно, потому что *я* люблю, и люблю больше, чем маленькую фигурку в пространстве, и люблю дольше, чем длится вибрация жизненной струны? Спиноза и Цинцендорф (1700-1760, erster Herrenhuter) уразумели бесконечную идею любви и предчувствовали метод, как реализовать себя для нее и ее для себя»).

В декабре 1798 года поэт помолвлен с тронувшей его своими заботами о больных, скромной и кроткой Юлией фон Шарпантье. Но браку не суждено было состояться. Скоро стал хворать сам Новалис, в нем развивалась семейная чахотка; 25 марта 1801 года он, не достигши и полных 29, лет умер: заснул утром под музыку брата, который стал играть для него, и уже не проснулся. «Не столько своею внешней судьбой, сколько всем своим существом,— говорит о нем Шлейермахер,— он был на земле трагическим существом, посвященным смерти». На портрете Новалис женственный, озаренный каким-то внутренним светом юноша, с прекрасным широким лбом и широкою переносицей, немного вздернутым носом, миловидным, чувственным ртом, светлыми кудрями, рассыпавшимися по плечам, и большими, прекрасными темными глазами, очень живыми, но остановившимися как бы на предмете духовного созерцания в момент овладения мысли этим созерцаемым предметом. Трудно пересказать жизнь Новалиса, потому что внешнее ее обнаружение только канва, по которой дух его вышивал другую, волшебно-красочную и полную глубочайших событий сокровенную жизнь. Но нелегко изъяснить и его миросозерцание, потому что и здесь животворящая связь или не дана непосредственно вследствие своей невыразимости, или намечена в символах, требующих внутреннего творческого воссоздания.

VI

То благодатное раскрытие духовных сил личности в их полноте и действенности, которое мистики привыкли, по древней традиции, называть посвящением, совершилось в Новалисе чрез приобщение тайне любви и смерти. В этом жизнь его подобна жизни Данта. Мы уже видели, что значила для него любовь: она была выходом из идеализма в реализм, потому что раскрывала ему глубочайшую бытийственность того, что для идеалиста <есть> *не-я*, что противустоит познающему *я* как живой объект познания и творчества через любовь, как Душа Мира, Саисская богиня, с которой никто не снял покрывала.

Микрокосм — точное подобие макрокосма и в некотором таинственном смысле не подобие только, но и тождество. Поэтому маленькая София, стоящая против своего Фридриха,— то же, что вселенская невеста, противустоящая Логосу,— если только мы отвлечемся от самости влюбленных и сосредоточимся на сущности связывающих их отношений. Недаром же и церковь, благословляя брак, повелевает мужу и жене быть «во Христа и его Церковь»,— почему и Новалис говорит: «Брак — высочайшая тайна» («die Ehe ist das höchste Geheimnis»). Неудивительно и его признание: «Моя возлюбленная — аббревиатура вселенной, а вселенная — элонгатура моей возлюбленной». И в другом месте: «Моя любимейшая наука называется именем моей невесты: София ее имя,— философия душа моей жизни и ключ к моему сокровеннейшему *я*. Со времени моего знакомства с Софией я и с философией слился совершенно». Уже по смерти Софии он пишет: «Разве я не должен переносить все охотно, потому что я люблю и люблю больше, чем маленькую фигурку в пространстве, и люблю дольше, чем длится вибрация жизненной струны? Спиноза и Цинцендорф уразумели ее — бесконечную идею любви и предчувствовали метод как реализацию себя для нее и ее для себя... Жаль, что я в Фихте еще не вижу этого просвета, не чувствую этого творческого дыхания, но он близок к нему». Нет, Фихте не был близок к этому проникновению в любовь, как и Спиноза с Цинцендорфом, помянутые только затем, зачем оглядывается, ища неподалеку спутника, человек, ступивший на уединенную неведомую тропинку. Учение о *ты* оживляло идеалистическую систему Фихте, для

которого весь мир одно вселенское *я*, и всякое *не-я* преодолевается этим *я* и получает через него разумное и нравственное бытие, но оживляло лишь духом религиозного благоговения и соборного чувствования, а не эросом стихийного слияния, не тем эросом мистического брака, который сочетает любящих в одну плоть. Новалис же через любовь стал первый после Гете мистическим реалистом. От идеализма же удержал он лишь то чувство вселенской значимости микрокосма, в каком нуждался для обоснования своего христианского магизма, как выражался он сам, или теургизма, как было бы правильнее выразиться. Прислушаемся, впрочем, к сказке, рассказанной одним из Саисских учеников, чтобы показать собеседнику, проповедующему Фихтевское учение о разуме и нравственном идеале, воплощаемом им в мире, что он, бедный, на неверном пути, потому что никогда не любил. «При первом поцелуе откроется тебе новый мир».

Жил-был юноша по имени Гиацинт, и влюблен он был в девушку — алую розу. Гиацинта посещает старец, тайных учений которого он так заслушался, что и возлюбленную забыл и пошел по свету, куда глаза глядят, у всех выспрашивая, как ему найти тайную богиню Изиду. Путеводимый цветами, приходит он к пещере, скрытой под пальмами, и, догадываясь, что это и есть священная обитель, погружается, полный тоски и желания, у входа в пещеру в глубокий сон, как древние паломники подземных оракулов, которые ожидали божественного наития во сне. Сон проводит его по бесчисленным храминам таинственного святилища, где он созерцает невиданные дивные утвари (символизирующие разнообразные формы природы, казавшиеся самому Новалису в пору его натурфилософских изучений полуразгаданными иероглифами, говорящими об одной вселенской душе). Таинственные мелодии звучат ему в этих пустынных чертогах и все кажется давно знакомым, но небывало осиянным и великолепным, и вот наконец перед ним жена в покрывале, он поднимает блестящий покров, и перед ним его возлюбленная Роза. Гиацинт пожертвовал личной душой — личной любовью своей — для Души вселенской, для вселенской Любви,— и опять обрел свою личную душу и любовь. Любовь человеческой личности, как микрокосма, лежит на оси вселенской любви Логоса к Мировой Душе; и, если человек в правом стремлении не сходит с этой оси, он достигает зараз познания центральной тайны Сущего и

встречи со своей возлюбленной: многоликая многоименная богиня облекается для него, поскольку он микрокосм, в родное обличие его маленькой детской, но единосущной небесному эросу любви. Так любовь для Новалиса — «высшая реальность, вселенская первооснова, и высшая наука — теория любви». Ведь и произведение искусства, чем реальнее, тем поэтичнее. Подлинную реальность можно найти в одной поэзии, можно даже сказать, что поэты недостаточно поэтизируют. В теории любви и заложено основание магического идеализма, как реального теургического действия. Познание сущностей мира есть акт любви; акт любви — творческий акт. Мир пластичен, но не в смысле внешней природы, как недавно утверждали прагматисты, и внешние изменения его только симптомы внутренних перемен. Объектом любви, познания, творчества, что одно и то же, является внутренняя природа, живая и отзывчивая на вселенскую волю человека, и по мере того, как он возрастает в духе из тесных пределов микрокосма, сфера его творческого влияния расширяется в царстве внутренней природы, он является живым органом миров иных, воздействующих на ее недра.

«Человек — спаситель природы» («Fragmente»). «Отдельная душа должна стать согласною с Мировой Душой» («Fragmente»). «Что прежде казалось непонятною необходимостью нашей природы, общим законом, лишенным определенного содержания, то становится теперь чудесным, родным, разнообразным и примиренным миром, непонятным общением всех блаженных в Боге, ясным, обожествляющим присутствием в глубинах нашего *я* самого личного Существа, Его воли, Его любви» («Ofterdingen»).

«Самым произвольным предрассудком является мнение, что человеку не дано выходить за пределы своего *я* и сознательно пребывать в сверхчувственном. Человек может, когда угодно, стать существом сверхчувственным. — Чем более мы сознаем такое состояние, тем живее, сильнее, необходимее отсюда возникающая уверенность: вера в подлинность откровения духа. Мысли наши превращаются в законы, стремления — в достижения. — Мы находимся в связи со всеми частями вселенной, как и с будущим и с прошлым. Только от направления и деятельности нашего внимания зависит, какую из этих связей мы хотим развить в себе». «Органы нашего мышления суть органы мирового пола, genitalia природы». Все зиждется, следовательно, на мистике полового

дуализма, на представлении о мировом процессе, как вечном браке Логоса с Душою Мира. Ибо все в мире подчинено закону половой полярности. «Быть может, растения — продукты женской природы и мужского духа, а животные — мужской природы и женского духа». Когда небесный жених овладевает своею невестой, достигается, совершается та девственность тварного мира, имя которой София. Девственность это не есть состояние потенциального бытия, пребывающего в эротическом покое, но состояние вечно актуальной любви и продолжающегося страстного алкания и немедленного насыщения, непрерывная вибрация эротических энергий в самом слиянии двух начал, мужского и женского. Поэтому символические изображения достигнутого окрашены у Новалиса цветами самой пылкой эротики. Взаимопроникновение и непостижимое слияние космического дня и космической ночи, то есть мужского логического начала трансцендентных форм и женского имманентного начала подсознательной бытийственности — то же, что вечные объятия двух вечно любящих. Этот запредельный брак в символике Новалиса облекается даже в евхаристические образы: София, как акт божественный, в его глазах — вселенская евхаристия.

VII

Но высокие познания в таинстве любви потенцируются проникновением в тайну смерти, то есть возводятся в высшую и напряженнейшую степень. Смерть есть увенчание любви, ее высшее выявление на земле, прорыв для любви через преграду микрокосма в просторы божественной жизни. Разлука, помещающая любящих в разные планы бытия, служит целям вселенского сочетания этих планов. Если теургическое томление направлено на внутреннюю природу, нужно, чтобы объект личной любви, служащий его живым центром, был дан не во внешнем мире, а в темных глубинах бытия, под покровами таинственной богини, в ее лоне. («Высочайшего Существа,— говорит Новалис в «Религиозных фрагментах»,— делается человек достойным лишь через смерть». «Смерть — укрепление жизни». «Смерть-самопреодоление (Selbstbesiegung) и как всякое самопреодоление открывает новое легчайшее существование». «Наверно, и на том свете

есть смерть: тогда результат ее — земная жизнь». «Если разумно желать для ночлега совместного ложа, знаменье мудрой души — к милым усопшим любовь»).

Сказка о розе, рассказанная в «Саисских учениках», имеет лишь пропедевтическое значение для усвоения читателем основного мифа, раскрытию которого посвящен неоконченный роман «Генрих фон Офтердинген», мифа о Голубом Цветке. Эта смерть окрашивает для земного взора внутреннее обличие природы в голубой цвет, цвет небесной земли, тот, знакомый многим мистикам цвет (вспомним, хотя бы, софийные видения Владимира Соловьева, рассказанные в поэме «Три свидания»), восприятие которого сопровождает внутренний опыт переживания Богородичной тайны. Если любовь представляла духовному созерцателю покровы Мировой Души, как алеющую розу, смерть пронизала землю в мистическом созерцании голубым цветом, и через Саисскую богиню, таинственную девственницу, которую не познал ни один бог и ни один смертный, просквозил облик Божьей Матери. Роман начинается с описания сна юноши Генриха; ему кажется, будто после долгих блужданий приходит он к источнику, близ которого растет, все озаряя окрест и несказанно благоухая, высокий Голубой Цветок. Он хочет подойти к цветку и видит — раздвинулись лепестки и из цветка улыбнулось ему лицо девы. В своей возлюбленной Матильде узнает он потом это лицо, но Матильда утонула. Генрих посвящает себя поискам Голубого Цветка (ведь еще и отец Генриха видел в юности такой же сон, только не запомнил окраски приснившегося цветка). Мы видим по сравнению начатого в романе повествования со сказкой о «Гиацинте и Розе», что искания Голубого Цветка означают путь любви, ведущей любящего в сокровенное святилище Мировой Души и сулящей ему там, как дар, переданный из рук обретенной в Боге возлюбленной, целостное знание Божественной тайны и преображающую мир теургическую державу.

VIII

Мы видим с другой стороны, как эти мистические опыты и постижения углубляли в то же время христианское сознание Новалиса, религиозного с детских

лет, но рационалиста в первой юности и во всяком случае не глубоко верующего до смерти Софии. Говоря словами самого поэта (в «Офтердингене»), «он увидел, что маленькая комнатка его пристроена к величественному собору, с каменного основания которого подымается суровое прошлое, меж тем как из купола ясное, радостное будущее слетает, как золотой детский сонм ангелов. Мощный колокольный звон пел серебряную песнь, а в широкие врата вступали все существа, и каждое произносило свою молитву на особом своем языке». Только душевное перерождение, связанное с этой катастрофою, приводит его всецело ко Христу, лик которого брезжил ему раньше только как лик Младенца на руках всегда родной его душе Богоматери. Теперь он ясно видит, что всякое теургическое томление по земле преображенной было бы суетно, притязательно, пусто и лживо без личности и жертвы Христовой, с которою, напротив, все невозможное для людей становится возможным через отдавшийся Христу дух для Бога. Но и в сфере чисто личной душевной жизни Новалис, как сам удостоверяет потрясающими словами в своих духовных стихах,— лучшим, по общему признанию знатоков и народа, что он создал из области лирики,— не мог бы жить без Христа. «Так сходится все во мне к одной великой мирной мысли и одной тихой вечной вере». Христос, как уверяет в пророчественном порыве Новалис, по воскресении своем вернулся к своему опустелому гробу, и опять, положив в него свое воскресшее тело, сам завалил его камнем, которого никто не сдвинет. Этим поэт знаменует свое чувствование земли, как тела Христова, отчего все земное бытие приобретает смысл евхаристический, смысл вечного причащения тела и крови Христа. Отсюда же вытекает и задача новых Христоносцев: освободить Гроб Господень из пленения у неверных значит освободить землю от силы зла, от князя сего мира и восставить торжество Софийности, торжество Жены, облеченной в Солнце, преображенное состояние земли, целостно соединенной со своим небесным Женихом. Милые Новалису Средние Века, с их Крестовыми походами, являются в глазах Новалиса символическим примитивом, прообразовательно знаменующим грядущий Крестовый поход и его победу в Новом Иерусалиме.

Таковы горизонты, какими определяются теургические искания и, быть может, некоторые достижения этого человека, приявшего новое осеменение духа — Новалиса.

Что до достижений, мы знаем одно, что семя, брошенное им, сначала как бы истлело и умерло, а потом, через сто лет, явило заметный и для внешнего зрения зеленый росток. Мы знаем также, что его личная жизнь, несмотря на непрекращавшуюся до смерти тревожную зыбь душевной периферии, была в глубинах своих верна его высшему самоопределению, что и ушел он с лица земли, как сам предначертал, и как раз тогда, когда сказал насущное, умолчав об отдаленнейшем. И если не на словах только был он христианский маг и теург, то поистине не иным волхвом представляется он в истории нового религиозного сознания, как одним из тех царственных волхвов востока, которые принесли из глубины своих таинственных и мудрых царств в дар Вифлеемскому Младенцу золото, ладан, смирну. Недаром сам Новалис поет нам об этих волхвах, поет об Орфее, пришедшем взглянуть на Христа, и понесшего благовестие в далекую Индию, и не устает вспоминать о родном волшебном востоке как некоей колыбели божественного света. Ведь истинная мудрость и жизнь — в прошлом, и *сама природа возникла из вырождения.* В ней живы лишь заглохшие остатки иного существования. И когда-нибудь не будет вовсе ее, теперешней — «будет мир духов». «Тогда опять звезды будут посещать землю, с которой они рассорились во дни ее потускнения. Тогда все поколения земли сойдутся после долгой разлуки, и каждый день увидит новые объятия. Ибо вернутся на землю ее прежние обитатели».

Подобно восточным мудрецам Новалис пришел умудренный какою-то первобытною памятью священной тайны приветствовать Христа, родившегося в новой, познавшей и преодолевшей свое *я* душе человечества.

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК

(конспект лекции)

Есть люди, которых томит какая-то память, ими самими не осознанная, но которая может влиять на их творчество, хотя мы часто это не знаем. (Так у Платона в его «Пире» и т. д.). Это — лермонтовский «Ангел». С этим фактом мы встречаемся в эпоху романтизма и им может объясниться то, что романтики постоянно устремлялись к прошлому. У них мы видим память о Голубом Цветке и, странное дело, хотя сами романтики теперь большею частью нам далеки, мы помним о Голубом Цветке. Для некоторых (скептиков) Голубой Цветок это — чистое мечтание. Для иных это мечтание, имеющее в себе ценное, это *импульс* к хорошему — нечто идеальное, хотя нечто заведомо несбыточное.

Большинство знает о Голубом Цветке Шпильгагена, который о нем говорит и как неоромантик связывает память о нем с первыми романтиками: «Синий цветок никто никогда не видел, но им благоухает вся земля... который глупые люди воспевали в стихах и прозе, а миллионы людей думали и мечтали о нем же молча». Г. Ц. по Шпильгагену это та *Душа Мира,* которая исходит своей постоянной тоской по Небу.

Но у Новалиса Голубой Цветок уже мистический символ, имеющий определенное значение. Это уже не несбыточное мечтание, но символ, скрывающий целую религиозную систему. Было бы слишком сложно сейчас разбирать, откуда произошел этот символ; но мы знаем, что синий цвет — цвет мистиков. (Владимир Соловьев — «Три свидания» — Небесный цвет на Царице-Душе Мира — Голубой цвет у лермонтовского образа, о котором пишет А. Белый — стихи В. Иванова). Мировая Душа (понятая как Вечная Женственность) занимает большое место и в современной поэзии. А. Блок — замечательно, что вне религиозных переживаний возникает этот образ,

окрашенный религиозным светом: Сологуб (Дулцинея и Альдонса).

Все Средневековье было проникнуто культом *Девы.* Но *Ренессанс* его уничтожает, вызывая сильный *индивидуализм,* т. е. каждая отдельная личность достигает полноты своего самоопределения в такой степени, что она чувствует себя отделенной от всего мира. Завершение эволюции социальной идеи было бы невозможно без этой индивидуализации. (Впрочем, на этом определении не настаиваю). Личность нашла свое *я* в себе, но нашла слишком эмпирически, и злоупотребила этим — род грехопадения, которое можно искупить только посредством развития религиозного творчества — создания нового религиозного сознания. Чрезмерное развитие индивидуальных восприятий уничтожило чувствование связей всех с Матерью-Землей, и отсюда падение культа Богоматери. (В католической церкви это чувство никогда не замирало).

С чувством Мировой Души связано все наиболее живое в поэтическом — лирическом творчестве.

Лиризм Верлэна контрастирует с сухостью современных ему французских поэтов и он именно связан с сильным чувством Богоматери. Проблема отношений чувства красоты и христианства, которая так много занимала человеческую мысль, так трудна, что она до сих пор еще не решена.

(Это синтез, желанный для современного сознания, но утраченный со времен распадения иерархического средневекового миросозерцания).

Новалис является тем *живым,* что связывает нас с романтизмом. Это первый предтеча перед последним проникновением в *тайну Мировой Души,* которое и покажет связь между Красотой и Религией. (Может быть, Ибсен в «Когда мы, мертвые, воскреснем» именно ставит упрек в непонимании Души Мира).

В Новалисе намечаются возможности христианского поэта нового времени. Но в нем научились видеть не только носителя романтической идеи, понятой как положительная ценность, но и одного их крупнейших поэтов.

Гете сказал про Новалиса: «Он не был императором, но он мог бы быть им». Эти слова, так как и вообще многое о Новалисе, были для всех загадкой. Думается что Гете подразумевал в своих словах то, что делает *истинным Поэтом,* именно: совмещение необыкновенного ума (материал для большого мыслителя в фрагментарном

виде оставил очень много ценного в этой области) — с детской умилительной религиозностью; рядом с этим — романтическая мечтательность, но которая приобретает аллегорический, часто символический характер — или *оккультный*, то есть аллегория, для уразумения которой необходимо углубиться в оккультные творения.

Очерк его биографии показывает связь его жизни с миросозерцанием.

В умершей невесте Софии он видит один из образов Мировой Души, его любовь к ней слита с любовью к Премудрости Божьей, Софии. После смерти невесты он проводит остальное время жизни в грусти по ней и радости свиданий в то время, когда ему казалось, что она с ним.

Новалис воспринял Фихте и его идеализм, но он пошел дальше, и он является «плохим» фихтеанцем. Он и идеалист, и реалист. Он называет свое мировоззрение *магическим идеализмом.*

Его идеал — *теургический идеал.*

Идеалисту кажется только иллюзией отношение между микрокосмом и макрокосмом. Но Новалис знает, что для Бога нет разницы между макрокосмом и микрокосмом и что эта разница не существует также и для просветленного человека. Новалис реалист и знает реально, что Земля — тело Христово, которое Христос, по воскресении, Сам отдал и скрыл в недра земли, в пещере, которую закрыл камнем. Этого камня отодвинуть никто не может, и когда тело Христово освободится, тогда будет Жена, облаченная в Солнце,— будет Христос с Софией.

Новалис — истинный реалист идет a realibus ad realiora.

В настоящее время мы видим в прагматизме нечто отвечающее многим современным запросам. Согласно прагматистам мир пластичен. Он сминается под прикосновением человеческого духа, это происходит посредством внутренней работы человеческой монады; но для этого необходима *вера.* Общее у Новалиса с прагматистами — его чаяние преобразить мир через воздействие человеческого духа и их идея пластичности мира. Но Новалис говорит более точно, более глубоко и вместе с тем более недоступно. Для прагматистов, как и для Новалиса, важен внутренний опыт. Это же *понятие внутреннего опыта* — общий исходный пункт Новалиса и современных искателей (через религиозное постижение личности человеческого *я*). Другое общее у Новалиса с ними:

отношение к земле и плоти, к Небу и земле. Общий протест против *аскетизма* в старом понимании христианства.

Голубой Цветок — это Небо, проникающее землю. Тайна «небесной земли» — символ *земли-невесты*, освобожденной от «князя мира сего».

Хотя правоверный католик (оставшийся официально протестантом), Новалис не удовлетворяется обычным, внешним понятием о христианстве.

Третье, что соединяет его с современными искателями,— это его надежды на раскрытие в душах третьего царства (он приписывает их Я. Беме).

Он выразитель *любви, Эроса* в смысле религиозном. Все элементы внутреннего опыта, необходимые для разрешения всего враждебного, у него есть и ему кажется, что нужно только бросить эту весть людям, и тогда наступит третье царство — Брак Дня и Ночи.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . 3

ГИМНЫ К НОЧИ

Гимн 1. «О, кто живой...» . . 11
Гимн 2. «Вечно ль будет...» 13
Гимн 3. «Однажды, как слезы...» 14
Гимн 4. «Ведаю ныне, когда...» . . . 16
Гимн 5. «Глухонемой пастух...» 19
Гимн 6. «Хочу сойти в могильный мрак...». 24

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1. «Что был бы я, когда б не встретил...» 26
2. «Даль восходом золотится...» 29
3. «Кто плачет в горестном затворе...» . 31
4. «Хмель прошел часов счастливых...» . 33
5. «Если с Ним я буду...» 34
6. «Хотя б весь мир коварной...» 35
7. «Плакать, вечно плакать буду...» . . . 36
8. «Я всем скажу, что Он средь нас...» . 38
9. «О, немощных мгновений...» 39
10. «Чего б еще душа желала...» 40
11. «Отрада мира, где Ты, где?» . 42
12. «В час унынья, в час испуга...» 44
13. Гимн 45

ПЕСНИ МАРИИ

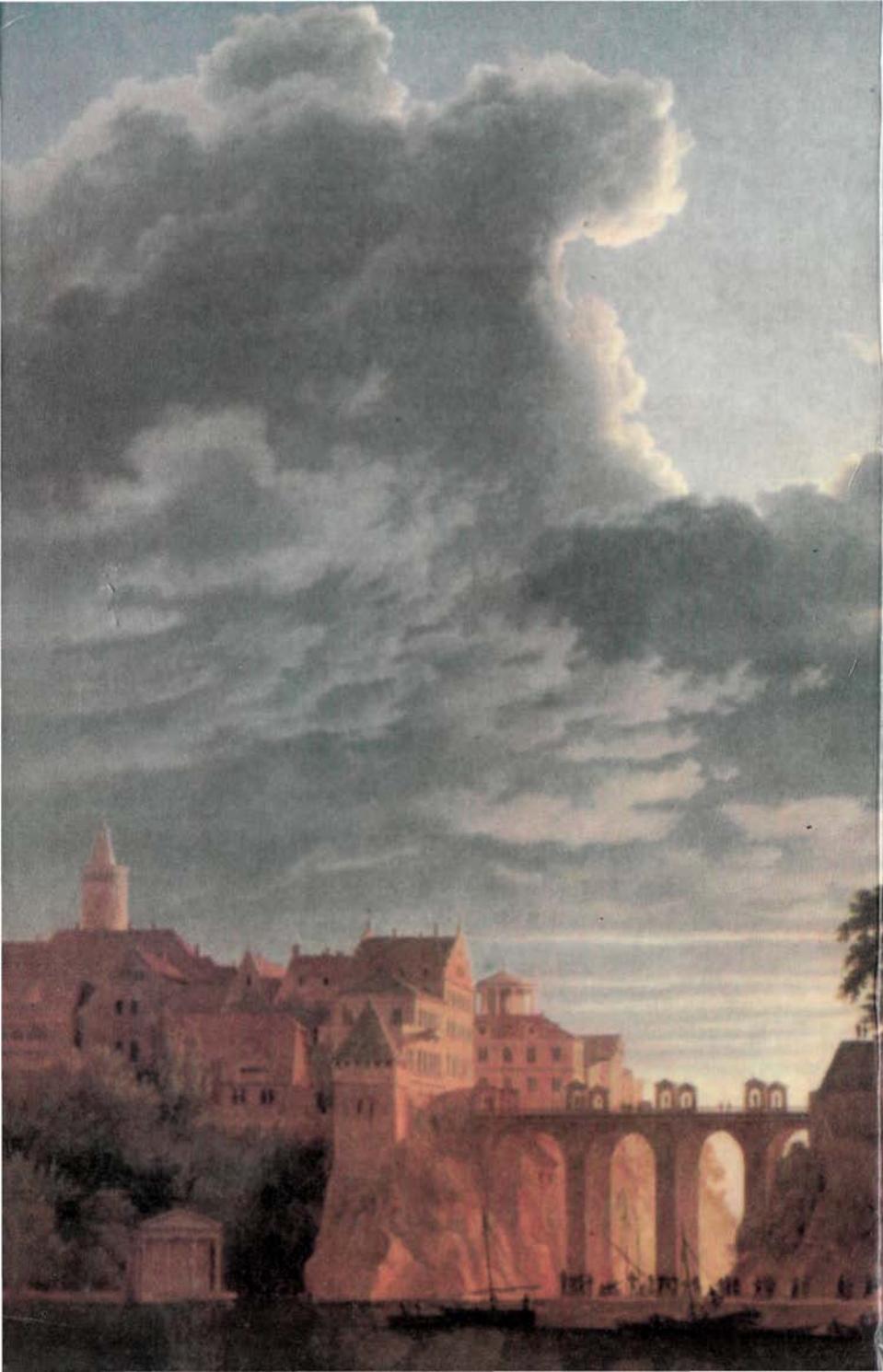
1. «О Мать, кто раз Твой лик узрел...» . 49
2. «Твой лик напечатлелся тенью...» . 51

ИЗ РОМАНА «ГЕНРИХ ФОН ОФТЕРДИНГЕН»

Посвящение I 52
Посвящение II 53
«Почиет луч загадочного знака...» 54
«Певец угрюмыми тропами...» . . . 55

«Владеет Гробом род неверный!» . 57
«Под чужими небесами...» . . . 59
«Лишь тот земли властитель...» . . . 61
«Есть замок в дальней стороне...» 63
«Медлю я покинуть долы...» 64
Песня шванинга 65
«Он низойдет с горы зеленой...» . . 67
«Вперед Любовь пошла в потьмах...» . 69
«Зову из темных келий...» . . 70
Песнь пилигрима 71
«Провожала дни в радости сердца...» . 72
«Когда, без чертежей и числ...» 73
Славьте пир наш на погосте . 74
Обручение времен года . 78

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Другу . . . 79
На лодке 80
«Зеленой гладью степь легла...» . 81
Ручей 83
«Этим жизнь, без дум, без дел...» 84
Яков Беме 85
К Адольфу Сельницу . 87
Дистихи 88
Конец раздора . . 89
Умирающий гений 90

О Новалисе 93
Голубой Цветок (конспект лекции) 122